

Театръ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ЖУРНАЛЪ
„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“.

Съ доставк. и пересылк.
на годъ 6 р., на полг. 4 р.
Отд. ММ продаются по 20 к.
Объявл.—20 к. съ стр. пет.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:

Моховая, 45.

Отдѣленіе въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печниковой.

Рукописи, доставл. безъ обознач. гонорара,
считаются безплатными.

Мелкія рукописи не сохраняются.

Телефонъ ред. № 1669.

и

Искусство

1900 г. IV годъ изданія. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 2 Апрѣля.

СОДЕРЖАНІЕ: Къ собранію Общества драматическихъ писателей.—Идеи Толстого объ искусствѣ. Н. Неурова. — Хроника театра и искусства. — Московскія впечатлѣнія (продолженіе). В.л. Вакулина. — Плясунья (продолженіе). М. Любимова. — Поэзія, стихотв. И. Гриневской. — Провинціальная лѣтопись.—Объявленія.

№ 14.

Рисунки: Къ парижскому сезону (3 рис.). — Памятникъ Альфонсу Додэ. — Бесѣда поэтовъ (набросокъ).

Портреты: Гг.: Коръ - де - Ласа, г-жи А. Ревиз. О. И. Сенковского (бар. Брамбеусъ).

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА 1900 Г. НА ЖУРНАЛЪ

„Театръ и Искусство“

Подписчики получаютъ всѣ вышедшіе номера.

С.-Петербургъ, 2-го апрѣля.

Предложеніе В. В. Билибина объ уменьшеніи 0/0 отчисленія въ пользу Общества драматическихъ писателей одобрено петербургскими членами. Такъ какъ московское собраніе принципиально или *par dépit* имѣетъ обыкновеніе перерѣшать петербургскія постановленія, то мы позволимъ себѣ еще разъ возвратиться къ расходамъ Общества на управленіе.

Секретарь Общества (онъ же и московскій агентъ) получаетъ за свое секретарство и «на канцелярію» (которой въ дѣйствительности, какъ отдѣльнаго учрежденія, не существуетъ) кругленькую сумму, въ 14.850 р. 82½ к. изъ 7½ 0/0 всѣхъ авторскихъ поступленій. Помимо этого тотъ же секретарь, какъ московскій агентъ, продолжаетъ получать еще и 100/0 съ поступленій специально московскихъ, что глухо показано въ статьѣ «выдано агентамъ—19.692 р. 64½ к. и что на московскую агентуру, по меньшей мѣрѣ, составитъ 3000—4000 р. Такимъ образомъ, должность секретаря въ связи съ московской агентурой обходится обществу въ 18,000—19,000 руб. Казначей общества за свой трудъ и «на расходы по казначейской части» по-

лучилъ 4950 р. 27½ к., изъ 2½ 0/0 съ авторскаго гонорара. Удивительнѣе всего эти «на канцелярію» и «на расходы по казначейской части», когда въ томъ же отчетѣ приходится видѣть цѣлый рядъ расходныхъ статей, именно по канцеляріи и казначейству.

Составленіе списка повсемѣстно въ Россіи игравшихъ пьесъ на частныхъ сценахъ 300 р. — к.
Типографскія работы; печатаніе и литографированіе дополненій къ каталогу пьесъ, циркуляровъ, отчетовъ и пр. 495 » 76 »
Подборъ афишъ за 1896—97 года въ 12 папкахъ и за 1898 годъ въ 6 папкахъ и за папки . 450 » — »
Почтовая корреспонденція 405 » 50 »
Разсылный 92 » 50 »
Телеграммы 69 » 18 »
Довѣренности и гербовыя пошлины 353 » — »
Жалованье дѣлопроизводителю Общества И. А. Соловьеву 1000 » — »
Служащему при казначей по полученію, отправкѣ, доставкѣ денегъ и пр. 540 » — »

Стало быть, побочнаго расхода по «казначейской» и «секретарской» частямъ произведено само собой на сумму 3765 р. 94 к. Спрашивается, на какія же еще нужды по «канцелярії» и «казначейству» удѣляются жалованье въ 18,000—19,000 руб. секретарю и 4950 р. казначею.

Но, быть можетъ, подобными министерскими окладами Обществомъ изъ года въ годъ оплачивается какой-нибудь исключительно тяжелый трудъ, отнимающій массу времени, требующій особаго знанія, таланта, энергіи и т. п. Дѣйствительность не подтверждаетъ и этого. Едва ли этотъ трудъ таковъ, разъ и секретарство и казначейство являются, какъ въ данномъ случаѣ, только побочнымъ трудомъ, совмѣстительствомъ, и главная служба гг. секретаря и казначея принадлежитъ и принад-

лежала не Обществу драматических писателей, а совершенно иным вѣдомствамъ. Обществу—удѣляется досугъ. И за работу, которую легко можно производить въ часы досуга, Общество платитъ тысячные оклады изъ тяжелаго и ничтожнаго заработка русскихъ драматурговъ и русскихъ композиторовъ!

Тутъ, очевидно, коренная фальшь въ постановкѣ вопроса.

Общество драматических писателей—не банкирская контора, гдѣ оперируютъ рублемъ и гдѣ наиболѣе удачная и умная операція—вѣнецъ всѣхъ стремлений. Здѣсь пускается въ оборотъ не рубль, а художественное творчество, трудъ писателя и композитора. Удачная операція усматривается не столько въ денежномъ ростѣ, а въ ростѣ нравственномъ. Объ этомъ свидѣлствуетъ и уставъ Общества, которое ставитъ себѣ цѣль—«содѣйствіе развитію искусства въ Россіи». А что въ *этомъ* направленіи дѣлаетъ Общество? Говорятъ: съ такого-то антрепренера, имѣвшего несчастье прогорѣть въ Царвококшайскѣ Обществу удалось-таки взискать одну другую сотню рублей,—и въ этомъ усматриваютъ особую заслугу; указываютъ: въ такихъ-то городахъ Общество повысило по-актную плату, несмотря на мольбы театральныя предпринимателей, а съ казенныхъ артистовъ берется двойная контрибуція,—это ли не мѣры, долженствующія содѣйствовать «развитію» драматическаго искусства въ Россіи? А когда Театральное Общество въ недавнемъ прошломъ передало Обществу драматических писателей ходатайство какого-то народнаго театра объ уменьшеніи непосильной по-актной платы, то послѣдовалъ лаконическій и высокомерный отвѣтъ: «могли бы непосредственно обратиться къ намъ». Содѣйствіе развитію драматическаго искусства пока усматривается въ погонѣ за рублемъ, потому что съ каждаго рубля причитывается хорошій процентъ въ пользу самого общества, тогда какъ для каждаго отдѣльнаго драматурга всѣ эти мѣры составляютъ грошевый расходъ,—не то, конечно, когда процентъ берется со всей оборотной суммы. Пора покончить съ этимъ. Если этотъ порядокъ вещей вытекаетъ изъ устава, то слѣдуетъ хлопотать объ измѣненіи устава. Во всякомъ случаѣ, Общество писателей и композиторовъ должно на первый планъ ставить интересы писателей и композиторовъ, а никакъ не лицъ, не имѣющихъ ничего общаго ни съ писательствомъ, ни съ композиторствомъ, и къ задачамъ искусства буржуазно-равнодушныхъ.

Идеи Толстого объ искусствѣ.

По отзывамъ французовъ.

Книга Льва Толстого „Что такое искусство?“ была встрѣчена въ Европѣ „пожатіями плечъ“, какъ характерно выражается одинъ французскій писатель. Если даже у насъ, несмотря на привычное холопство мысли, идеи Толстого объ искусствѣ, его задачахъ, цѣляхъ и основаніяхъ были приняты довольно равнодушно въ мыслящихъ кругахъ общества, и до сихъ поръ не удостоились серьезнаго разбора и возраженія, то тѣмъ понятнѣе молчаніе западно-европейской литературы. Извѣстный переводчикъ русскихъ произведеній на французскій языкъ, г. Гальперинъ-Каменскій сдѣлалъ усиліе пробудить интересъ французскихъ литературныхъ и художественныхъ сферъ къ произведенію Толстого, и

разослалъ книгу разнымъ знаменитостямъ искусства и литературы съ просьбой высказаться о теоріяхъ Толстого. Многіе отозвались, и изъ свода отзывовъ образовались двѣ довольно значительныя статьи, напечатанныя въ новомъ французскомъ журналѣ „La grande Revue“ Думается, для русскихъ читателей будутъ не безынтересны выборки изъ этихъ отзывовъ. Не для разубѣжденія читателей въ доктринахъ Льва Толстого объ искусствѣ—мы полагаемъ читателей достаточно застрахованными отъ заразы парадоксовъ,—но потому, что въ отзывахъ этихъ попадаются мысли яркія, красивыя и достойныя вниманія, мы находимъ полезнымъ познакомить читателей съ ними.

Значительная часть отзывовъ проникнута пренебрежительнымъ тономъ. Такъ, напримѣръ, извѣстный композиторъ Сентъ-Сансъ ограничивается слѣдующими строками: „Толстой сказалъ, что дурно мѣнять рубашку и умываться, что преступно продолжать человѣческій родъ, что чистоплотность есть одно изъ выраженій человѣческой гордости. Что можетъ сказать или не сказать объ искусствѣ Толстой—для меня глубоко безразлично“. Анри Ренье пишетъ: „Если бы идеи, выраженные въ этой книгѣ („Что такое искусство?“) были бы идеями великаго романиста, автора „Анны Карениной“ или „Войны и мира“—объ нихъ можно было бы съ уваженіемъ спорить. Но нѣтъ, это идеи старца, хотя и знаменитаго, но впаваго въ манію апостолства, взяваго на себя трудъ и заботу изгладить свое славное прошлое. Это отрицаетъ, на мой взглядъ, всякое значеніе у его послѣдняго произведенія, и я не вижу никакой надобности отнынѣ оспаривать его принципы“. Художникъ Рошгросъ пишетъ: „Простите, но для меня рѣшительно невозможно, несмотря на глубокое уваженіе къ личности Толстого, свободно высказаться объ этой книгѣ, которая, можетъ быть, отличается превосходными качествами съ точки зрѣнія человечества, но которая такъ больно оскорбляетъ все, что я люблю и предъ чѣмъ благоговѣю, и которой духъ мнѣ глубоко ненавистен!“

Большая часть пытается, однако, освѣтить вопросъ, если не возражать автору. Очень интересный и достаточно обширный отзывъ принадлежит Бартольди.

„Говорятъ, что слово начинается тамъ, гдѣ кончается музыка. Я полагаю скорѣе, что искусство начинается тамъ, гдѣ кончается слово. Съ моей точки зрѣнія, искусство есть языкъ вещей, языкъ, который немислимо передать обыкновенными простыми словами, вслѣдствіе безконечности и сложности этого языка искусства. Всякій болѣе или менѣе знаетъ этотъ языкъ, но артистъ обладаетъ исключительно способностью понимать его и переводить этотъ языкъ языкомъ своихъ произведеній. Красота—это живое выраженіе этого языка вещей, природы. Я допускаю, что идеалъ слагается изъ истины, красоты и пр., но это не болѣе, какъ слова относительнаго значенія, которыя можно понимать различно, которыя каждый опредѣляетъ по своему. Чувствованіе идеала, стремленіе къ нему, по самому существу своему, противно дефиниціи, опредѣленію, ибо это стремленіе есть призывъ къ безконечности, въ противнѣнствію догматизму. Самъ Толстой замѣчаетъ, что искусство не ограничивается моментомъ: оно вызываетъ мысль о прошломъ и о будущемъ. Искусство вызываетъ къ жизни чувства и ощущенія, которыя были дотолъ въ скрытомъ состояніи, разсѣяны въ природѣ“.

Жанъ Экаръ сознается, что и самъ мучился надъ вопросами, которыми заняты Толстой. „Онъ назвалъ книгу „Что такое искусство?“ Книга-же, какъ мнѣ кажется, отвѣчаетъ скорѣе на вопросъ: „Имѣетъ

ли право человекъ быть только художникомъ? Я самъ себя задавалъ этотъ мучительный вопросъ, и вотъ что я отвѣтилъ на него. Жизнь тяжела. Большая часть людей не имѣютъ ни времени, ни возможности созерцать прекрасное. Художникъ же приноситъ трудящимся воспроизведеніе красоты, и потому его имя должно быть благословляемо. Что такое искусство? Это прежде всего—гармонія, порядокъ, ритмичность. Отсюда, произведеніе искусства, даже наиболѣе удаленное отъ мысли, есть уже побѣда нравственности надъ беспорядочностью страстей и смятеніемъ инстинктовъ. Ритмъ есть уже, самъ по себѣ,—умиrotвореніе, а слѣдовательно и существенное завоеваніе нравственности. Горилла набрасывается на самку; пиффераро наигрываетъ на гитарѣ подъ окнами милой, пусть безъ всякой мысли и безо всякаго возвышеннаго чувства. И вся пропасть между этими двумя существами заполнена искусствомъ. Орфей поетъ и пантеры за нимъ слѣдуютъ: Что же понимаютъ-ли онѣ? Ни мало, но онѣ распознаютъ какой-то высшій, надчувственный ритмъ, строй, который они безсильны воспроизвести. Устроеніе звуковъ, формъ, цвѣтовъ, въ опредѣленномъ ритмѣ—вотъ что такое искусство. И гдѣ оно появляется, физическое существо склоняется, побѣжденное и очарованное“.

Г. Шарпантиъ
(авторъ «Луизы»).

приписываетъ искусству, въ его основаніи, то свойство, которое скорѣе является его послѣдствіемъ. *Заражать* есть не основаніе искусства, но его послѣдствіе; въ творческомъ процессѣ искусство, наоборотъ, исключительно“.

Жюль Лермина, между прочимъ, пишетъ: „Вопросъ, что такое искусство? подобенъ вопросу: что такое любовь? Проведите 50 лѣтъ жизни самымъ донъ-жуанскимъ образомъ, будьте влюблены каждый день, каждый часъ, каждую минуту—вы все равно ничего не скажете, кромѣ глупостей. Искусство, какъ и любовь,—явленіе чисто субъективное. Искусство, какъ представленіе, сказалъ бы Шопенгауэръ. Сравнивать искусство съ моралью, чувствомъ симпатіи и добродѣтели—это грубѣйшая ошибка. Эти понятія не имѣютъ общей соизмѣримости. Это—разныя чувства“.

Извѣстный живописецъ Фламенгъ приписываетъ идеи Толстого объ искусствѣ климату и географическимъ условіямъ Россіи. Можно было объяснить ихъ гораздо проще, не вдаваясь въ les „steppes“.

„Все мое существо артиста и темпераментъ латинянина, пишетъ Фламенгъ,—возстаютъ противъ такой формулы искусства. Мы наслаждаемся привидѣ красоты, мы испытываемъ такой восторгъ при ея созерцаніи, такую радость жизни, что ни на минуту не можемъ сомнѣваться въ законности, въ необходимости красоты и этихъ благодѣтельныхъ чувствъ.“

Оперетка г. Лекока «Спящая красавица» въ театрѣ «Bouffes parisiennes».

«Robe Rouge» Брие. Г-жа Режанъ. (Къ парижскому сезону).

Недавно скончавшійся Стефанъ Маларме дѣлаетъ, между прочимъ, слѣдующее тонкое замѣчаніе: „Знаменитый учитель (Толстой)

И если мы можемъ доставить это блаженство хотя бы одному человеку, хотя бы на одно мгновеніе, какъ бы ни было оно скоротечно,—мы сознаемъ, что сдѣлали благое дѣло и съ избыткомъ вознаграждены за нашъ трудъ. Настоящее искусство, въ противность мнѣнію Толстого, не можетъ быть популярно. Масса недостаточно развита, чтобы судить о формѣ и выполненіи. Миссія искусства такъ высока и возвышенна, что нѣтъ надобности подыскивать для него новую, а въ особенности, ту, которую предлагаетъ Толстой“.

Мы не исчерпали и малой доли этихъ отзывовъ, и быть можетъ, еще къ нимъ вернемся.

Н. Негеревъ.

ХРОНИКА

театра и искусства.

Надняхъ состоялось годовое общее собраніе членовъ с.-перербургскаго отдѣленія Императорскаго русскаго музыкальнаго общества подъ предсѣдательствомъ П. А. Кюи. Устройство всѣхъ музыкальных собраній обошлось въ 44,058 рублей. Въ составъ отдѣленія входили 25 почетныхъ членовъ, 20 дѣйствительныхъ пожизненныхъ, одинъ соревнователь 70 дѣйствительныхъ членовъ и 1,106 членовъ посѣтителей. Въ отчетномъ году, въ консерваторіи обучалось 799 лицъ обоего пола, въ этомъ числѣ 318 учениковъ и 481 ученица.

Стипендіями пользовалось 207 человекъ. Директорами на текущий годъ избраны: Л. Б. Бертенсонъ и гофмейстеръ А. С. Танъевъ; кандидатами къ нимъ: А. С. Аренскій, кн. А. А. Оболенскій и гр. А. А. Бобринскій. Членами ревизіонной коммисіи: М. А. Битепажъ, С. М. Барацъ и И. Ф. Доссъ.

* * *

28-го марта состоялось годовое собраніе петербургскихъ членовъ общества русскихъ драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ. Всѣхъ дѣйствительныхъ членовъ общества явилось въ собраніе 14 человекъ, владѣющихъ, въ сложности, 18-ю голосами. Предсѣдателемъ собранія былъ избранъ П. И. Вейнбергъ.

Собраніе открылось чтеніемъ памяти Д. В. Григорovichа, а затѣмъ были прочитаны доклады комитета о дѣлахъ общества. Чтеніе доклада вызвало лишь немногочисленные замѣчанія. Между прочимъ, было предложено обратить вниманіе комитета на несоотвѣтствіе между докладомъ и отчетомъ о расходахъ (по отношенію къ количеству выданныхъ обществу агентскихъ жетоновъ). Послѣ обмѣна мнѣній членовъ собранія по вопросу о дороговизнѣ управленія дѣлами общества вообще и о высокомъ процентномъ отношеніи въ частности, отчетъ о состояніи денежныхъ суммъ общества былъ принятъ собраніемъ.

Докладъ ревизіонной коммисіи, содержащій предложеніе передать бібліотеку общества московскому Бюро русскаго театральнаго общества, встрѣтилъ возраженія. Постановлено по этому вопросу: просить комитетъ обсудить мѣры, какія могутъ быть приняты для увеличенія нравственной или матеріальной пользы отъ бібліотеки общества драматическихъ писателей.

Вслѣдъ за тѣмъ было заслушано заявленіе членовъ общества П. И. Вейнберга, В. А. Крылова и П. П. Гнѣдича объ измѣненіи правилъ по вычету процентовъ съ переводовъ классическихъ авторовъ, сдѣланныхъ стихами. Постановлено собраніемъ: внести это заявленіе въ особую коммисію по пересмотру устава.

Заявленіе члена общества В. В. Билибина объ измѣненіи процента отчисленій въ пользу общества встрѣтило живое сочувствіе собранія. Единогласно признавъ своевременность предложенія г. Билибина, собраніе постановило передать этотъ вопросъ для детальной разработки въ особую коммисію изъ слѣдующихъ лицъ: Вл. И. Немировича-Данченко, П. П. Гнѣдича, В. В. Билибина, Е. П. Карпова, Н. М. Ежова и Н. И. Тимковскаго.

По вопросу объ учрежденіи въ обществѣ новой пушкинской премии, выдача которой предполагается за лучшее историческое драматическое сочиненіе, собраніе высказалось въ утвердительномъ смыслѣ, кореннымъ образомъ измѣнивъ, однако, назначеніе этой премии, а именно предлагая выдавать ее не за историческую пьесу, а за лучшую пьесу — вообще.

Произведенные въ концѣ собранія, затянувшагося за полночь, выборы дали весьма неопредѣленные результаты. Выбирались: предсѣдатель комитета (взамѣнъ выбывающаго И. В. Шпажинскаго), два члена комитета (вмѣсто выбывшихъ И. М. Кондратьева и А. А. Майкова), члены ревизіонной коммисіи, судьи для присужденія Грибоѣдовской премии и кандидаты къ членамъ и судьямъ. При выборѣ предсѣдателя комитета голоса подѣлились между Вл. И. Немировичемъ-Данченко (11), И. В. Шпажинскимъ (6), Н. А. Чаевымъ (1). Въ члены комитета намѣчены: Вл. И. Немировичъ-Данченко (10), А. А. Майковъ (10), И. Н. Кондратьевъ (5), Н. И. Тимковскій (4), В. А. Александровъ (3) и слѣдующія лица, получившія по 1 голосу: М. Н. Садовскій, Н. М. Ежовъ, Н. А. Чаевъ и А. И. Сумбатовъ. Выборы въ кандидаты къ членамъ комитета дали такіе результаты: Н. И. Тимковскій получилъ 17 голосовъ, Н. М. Ежовъ — 16, В. А. Александровъ — 15, Вл. И. Немировичъ-Данченко — 4, П. М. Невѣжинъ — 3, И. В. Шпажинскій — 2, И. М. Кондратьевъ и М. П. Садовскій — по одному. Что касается выборовъ въ члены ревизіонной коммисіи, то здѣсь получилось полное единогласіе. Всего наличностію голосовъ постановлено просить въ ревизіонную коммисію прошлагодній составъ ея, а именно: Н. И. Музиля, Е. П. Карпова, А. М. Невскаго, О. А. Корша, Д. В. Видлинга-Гарина. Такъ же единогласно были избраны судьи для присужденія грибоѣдовской премии (на 1900 годъ — петербургскій составъ судей), въ лицѣ О. Д. Батюшкова, Н. А. Котляревскаго и В. Н. Давыдова, и кандидаты къ нимъ — С. А. Андреевскій, С. Н. Шубинскій и В. О. Комиссаржевская.

Въ концѣ засѣданія присутствовавшими членами было внесено нѣсколько заявленій въ комитетъ общества, въ томъ числѣ сдѣланное по инициативѣ А. С. Суворина предложеніе возбудить ходатайство предъ дирекцію Императорскихъ театровъ объ увеличеніи гонорара за пьесы, даваемые на казенныхъ сценахъ, съ 2 проп. до 3-проц. за актъ.

* * *

Малый театр. Г-жа Дуббельтъ — не новичекъ въ драматургіи. Ей принадлежитъ пьеса „Ложь“, талантливо написанная годъ два тому назадъ и поправившаяся публикѣ Новая пьеса г-жи Дуббельтъ „Живыя тѣни“ оригинально задумана и содержитъ нѣсколько интересныхъ сценъ. Пѣлью автора, повидимому, было дать психологическую драму на фонѣ впадою ряда картинъ аристократическаго быта. Къ сожалѣнію, психологія ему не вполне удалась, а правоописательная сторона пьесы не совсѣмъ удовлетворительна. Прежде всего, трудно повѣрить, чтобы описаніе аристократическихъ нравовъ могло исчерпываться изображеніемъ какихъ-то крайне сомнительныхъ личностей. „Графъ“, „графиня“, „княгиня“, „баронесса“ — такъ называются четверо изъ дѣйствующихъ лицъ пьесы. Фамиліи, именъ и отчествъ имъ не присвоено, вѣроятно потому, что въ глазахъ автора они являютъ типическими представителями всѣхъ носителей подобныхъ титуловъ. Между тѣмъ, подъ названіемъ графа выведетъ едва ли не разночинецъ, а княгиня, графиня и баронесса являютъ собою тріо сомнительнаго происхожденія съ ухарскимъ жаргономъ и мѣщанскимъ вывертомъ мыслей. Что и говорить, во всѣхъ слояхъ общества бываютъ и глупые и дурные люди, но особенной наблюдательности не требуютъ, чтобы замѣтить, что лица, принадлежащая къ высшему кругу, обыкновенно получаютъ хорошее воспитаніе. Или авторъ имѣлъ въ виду особую категорію такъ называемыхъ „déclassés“? Въ такомъ случаѣ надо было отметить такое намѣреніе. Въ числѣ дѣйствующихъ лицъ имѣется также господинъ, прибывшій въ Петербургъ съ намѣреніемъ сдѣлать блестящую карьеру. Для этого онъ разсчитываетъ во-первыхъ на начатую имъ статью о подоходномъ налогѣ и, во-вторыхъ, на протекцію вліятельныхъ дамъ. Намѣреніе это, однако, оказывается покушеніемъ съ негодными средствами. Помимо того, что статья о подоходномъ налогѣ никого не удивитъ и не приведетъ въ волненіе, сочинитель этой статьи выказываетъ мучительную неспособность къ труду: въ теченіе пяти дѣйствій онъ не можетъ ея окончить, хотя жена и помогаетъ ему, выправляя его слогъ и вдохновляя его предположеніями о гениальности его мыслей, и хотя онъ самъ ищетъ средства оживленія общественнаго интереса къ своей работѣ въ адултерѣ. Этимъ послѣднимъ занятіемъ онъ настолько увлекается, что жена его, протеста ради, собираетъ ему иамѣнникъ, но плана своего не осуществляетъ. Инцидентъ заканчивается примиреніемъ, причемъ публикѣ ставится на видъ, что статья о подоходномъ налогѣ будетъ дописана. Въ пьесѣ принимаетъ еще участіе журналистъ, выведенный въ качествѣ симпатичнаго и разумнаго лица. Участіе его въ замыслѣ довольно пассивно и сводится къ тому, что дѣйствующія лица ждутъ отъ него рѣшеній по волнующимъ ихъ вопросамъ о томъ какъ слѣдуетъ жить. Можетъ быть я ошибаюсь, но мнѣ всегда казалось, что люди, которые нуждаются въ томъ, чтобы писатели указывали имъ, какъ слѣдуетъ смотрѣть на бракъ, на супружескую вѣрность, на свою судьбу и т. п., — крайне легкомысленны. Должно, конечно, интересоваться взглядами умныхъ журналистовъ, но не годится заставлять ихъ думать за другихъ. Это значитъ навязывать имъ вредную роль. Они призваны будить мысль, а не атрофировать мышленіе современниковъ путемъ навязыванія имъ готовыхъ результатовъ мозговой работы.

Но все это недостатки, такъ сказать, вѣтшіе. Необходимо отмѣтить, что пьеса написана живо, лигатурно и смотрится совсѣмъ безъ скуки. Очень толково разыграная, она можетъ продержаться на репертуарѣ. Г-жа Дуббельтъ хорошо владѣетъ драматической формой изложенія своихъ мыслей, умѣетъ оживить сценарій и снабжать дѣйствующихъ лицъ забавными чертами.

Прозаикъ.

* * *

Великопостный сезонъ Панаевского театра закончился постановкою „Забавы Путятишны“ М. М. Иванова. Очерный сезонъ, въ общемъ, былъ „провинциальный“, съ гастролерами и неполной труппою. Публика, впрочемъ, довольно усердно посѣщала оперу, такъ какъ дѣваться было некуда. Сюриризомъ на первомъ представленіи „Забавы“, какъ передаетъ „Новое Время“, «въ оркестрѣ заболѣли (!?) передъ самымъ представленіемъ трое весьма необходимыхъ музыкантовъ». Представленіе „Забавы“ раздѣлило нашихъ критиковъ на два ожесточенныхъ лагеря. Г. Иванову было поднесено нѣсколько вѣнковъ. Роль „Забавы“ исполняла г-жа Фостремъ.

* * *

А. Э. Коръ-де-Лассъ
(къ предстоящему бенефису 13-го апрѣля).

13-го апрѣля состоится прощальный бенефисъ «маэстро» г. Коръ-де-Ласа, остающагося за штатомъ, вслѣдствіе упраздненія съ будущаго сезона оркестра въ театрѣ Литературно-Художественнаго Общества, о чемъ мы уже сообщали въ свое время. Г. Коръ-де-Лассъ сумѣлъ поставить антрактную музыку на извѣстную высоту. Небольшой оркестръ отлично сыгрался, выборъ пьесъ отличался вкусомъ, дирижированіе г. Коръ-де-Ласа темпераментомъ и жизнью. Не даромъ антрактныя музыкальныя пьесы въ Маломъ театрѣ часто вызвали рукоплесканія — явленіе, совершенно неизвѣстное въ другихъ драматическихъ театрахъ. Г. Коръ-де-Лассъ, вообще, прекрасно образованный музыкантъ, и многимъ петербуржцамъ памятно его дирижированіе въ италіанской оперѣ. Не будетъ ли сначала, съ непривычки, тяжело безъ оркестра, особенно артистамъ, которыхъ воодушевляють, случается, звуки оркестра передъ выходомъ?

Для прощальнаго бенефиса г. Коръ-де-Ласа возобновляется «Принцесса Греза», не шедшая уже два сезона.

* * *

Директоръ Императорскихъ театровъ кн. Волконскій уѣхалъ на нѣкоторое время за границу.

* * *

Турнѣ по провинціи артистовъ Императорскихъ театровъ закончились. Дѣла, въ большинствѣ случаевъ, были очень хорошія.

* * *

Г. Далматовъ съ Пасхи уѣзжаетъ на гастроль въ Саратовъ.

* * *

Концертъ скрипача Адольфа Меца далъ возможность лишній разъ убѣдиться, что въ классѣ профессора Ауэра занятія поставлены образцово. Концертантъ молодой скрипачъ, по днесь находящійся въ классѣ этого прекраснаго профессора. Въ смыслѣ развитія техники, полноты типа, умѣнія владѣть смычкомъ и наконецъ, музыкальнаго пониманія исполняемаго г. Мецъ весьма основательно подвинулъ впередъ. Молодой скрипачъ не лишень даровитости и надо полагать, въ недалекомъ будущемъ окажется вполне законченнымъ и интереснымъ художникомъ. У него много темперамента, который увлекаетъ любителей скрипачной игры и способенъ заставить пропустить нѣкоторые недочеты, отъ которыхъ г. Мецъ еще не свободенъ. Къ недочетамъ нужно отнести невѣрную интонацію, которая встрѣчается у скрипача на высшихъ позиціяхъ. Это, несомнѣнно, результатъ недостаточнаго спокойствія. Молодое увлеченіе, неуравновѣшенная горячность исполненія требуютъ разумной узды. Это подтвердилось на исполненіи концерта (G-moll)—Vieutemps. Первая часть была сыграна, можно сказать, безукоризненно, но пустивъ свою горячность безъ узды, г. Мецъ уже къ серединѣ второй части совершенно выдохся и закончилъ концертъ гораздо слабѣе. Тѣмъ не менѣе, г. Мецъ представляетъ интересное дарованіе и его ожидаетъ хорошая артистическая дорога.

Г-жа Нина Бородулина, молодая пианистка класса г-жи Малоземовой, сыграла съ г-номъ Мецомъ сонату (f—dur) Грига и соло-ноктюрнъ—Рубинштейна и 12-ую рапсодію Листа.

Соната прошла исправно, надъ ней видимо молодые артисты хорошо поработали. Мило и выразительно былъ пере-

данъ Рубинштейновскій ноктюрнъ. Что касается до рапсодіи, то она была сыграна неудачно. Помимо многихъ фальшивыхъ нотъ, произведеніе Листа было передано совершенно по ученически, безъ рельефности и необходимаго подъема. Знать наизусть не значитъ еще постигнуть и полагать, что овладѣлъ произведеніемъ. Къ сожалѣнію, долженъ сказать, что на мой взглядъ г-жа Бородулина избрала вещь себѣ не по плечу. Лучше бы было поставить на программу то, что обдумано и постигнуто болѣе глубоко.

Въ концертѣ любезно приняла участіе артистка императорской оперы г-жа Каменская и артистъ Невскій, котораго я, впрочемъ, не дождался.

Г-жа Каменская великолѣпно спѣла арію изъ «Самсонъ и Далила» и конечно, цѣлый рядъ романсовъ на бисъ. Голосъ талантливой артистки звучалъ прекрасно. Поражалъ слушателей концерта молодой аккомпаниаторъ г. Дуловъ, сопровождавшій всѣ исполнявшіеся нумера наизусть. Аккомпаниментъ г. Дуловъ ведетъ съ большимъ вкусомъ и вниманіемъ. За короткое время своей дѣятельности молодой музыкантъ сильно выдвинулся среди своихъ собратьевъ и обращаетъ на себя вниманіе. Можно лишь посоветовать ему не злоупотреблять своимъ ріано. Это иногда вредитъ цѣльности исполненія.

Б. М. Соловьевъ.

* * *

Можно понять, когда комикъ по дарованію мнитъ себя трагикомъ, или когда оперное контральто рвется на сопрановыя партіи: перваго прельщаютъ «высокія задачи искусства», вторую—завидное положеніе «примадонны—дивы». Но зачѣмъ концертной пѣвицѣ, г-жѣ Вѣрѣ Гольдбергъ, обладающей красивымъ, ровнымъ въ регистрахъ и содержательнымъ меццо-сопрано, пѣть не своими, вытянутыми верхами, сдавленными въ ріано и рѣзкими въ forte,—понять довольно мудро. Въ первомъ отдѣленіи своего концерта, даннаго ею въ понедѣльникъ, 27 марта, въ залѣ кредитнаго общества пѣвица не вполне еще овладѣла собою, но и тутъ выдѣлилась прекраснымъ исполненіемъ «Казачей колыбельной пѣсни», Направника, оказавшейся вполне ей по голосу. Ко второму отдѣленію пѣвица оправилась и исполнила его съ настоящей свободой, самообладаніемъ и даже мастерствомъ. Подборъ вещей свидѣтельствуетъ о хорошемъ вкусѣ пѣвицы. Жаль, если титулъ пѣвицы «изъ Берлина» значитъ также «въ Берлинъ»; при правильномъ отношеніи къ своимъ голосовымъ даннымъ и надлежащемъ самообладаніи, которое явится вмѣстѣ съ опытомъ, г-жа Вѣра Гольдбергъ могла-бы занять подобающее мѣсто среди хорошихъ концертныхъ пѣвицъ. Піанистъ г. Медемъ, о которомъ намъ уже приходилось говорить, на этотъ разъ окончательно завоевалъ наши симпатіи проникновеннымъ исполненіемъ листовскаго переложенія заключительной сцены изъ «Тристана и Изольды». Г-нъ Вальтеръ, концертмейстеръ нашей казенной оперы, академически сыгралъ Rondo-Capriccioso Сень-Санса. Аккомпанировалъ г. Ручъ. Публики было достаточно и успѣхомъ пѣвица можетъ быть довольна. Я. Э.

* * *

„Поручикъ Гладковъ“ Писемскаго, постановка котораго на сценѣ Императорскихъ театровъ предполагалась въ будущемъ сезонѣ, не разрѣшенъ, какъ мы слышали, драматической цензурою.

* * *

Поповоду инцидента, происшедшаго между г. Синельниковымъ и г-жей Башкирцевой (Ахметъ) въ „Дон. Рѣчи“ находимъ письмо въ редакцію за подписью артистовъ труппы г. Синельникова.

Г-жа Башкирцева, читаемъ мы въ этомъ письмѣ, попала въ нашу труппу не совсѣмъ новичкомъ на сценѣ. Дѣвушка она зрѣлая, далеко не подходящая подъ категорію «юныхъ и наивныхъ существъ». Наканунѣ появленія въ ростовской труппѣ г-жа Б—ва служила лѣтомъ въ какомъ-то захолустномъ городкѣ, у мелкаго антрепренера изъ старыхъ, но не весьма извѣстныхъ актеровъ. Играть ей приходилось тамъ, очевидно, большія роли, и качествомъ своего исполненія г-жа Башкирцева привела въ восторгъ лѣтняго антрепренера, который порекомендовалъ г. Синельникову г-жу Башкирцеву. Съ первыхъ же шаговъ молодая «талантливая» артистка показала, что она на сценѣ не робѣетъ, но играетъ очень плохо. Интеллигентная, красивая, вполне зрѣлая дѣвушка совершенно безучастно, вдобавокъ даже не особенно текстуально, произносила слова своей роли. Грезы о «талантѣ», въ который она слишкомъ легкомысленно повѣрила, были дѣйствительно разбиты, но наступило не разочарованіе въ себѣ, а злоба на окружающихъ «враговъ». И т. д., и т. д.

Подписи достаточно извѣстныхъ артистовъ ручаются за правдивость излагаемаго. По поводу того же столкновенія мы получили письмо отъ одного изъ артистовъ, который „спѣшитъ подѣлиться“ своими „наблюденіями“.

Я по себѣ могу судить о томъ, насколько способенъ Н. Н. на что-либо подобное. Когда я пріѣхалъ въ труппу всѣ по-

чти члены ея относились къ новому человѣку нѣсколько враждебно, кромѣ Н. Н. Синельникова, который съ самаго начала показалъ себя въ высшей степени деликатнымъ и справедливымъ. Подтвержденіемъ служитъ тотъ фактъ, что Н. Н. терпѣлъ въ труппѣ присутствіе одного актера, который своими выходками, по истинѣ, могъ вывести изъ терпѣнія самаго добраго человѣка, а, между тѣмъ, Н. Н., насколько мнѣ извѣстно, доставлялъ ему возможность заработать помимо театра (перепиской). Этими строками мнѣ хотъ немного хочется доказать, что мнѣніе г-жи Ахметъ относительно Н. Н. не вѣрно; никогда онъ не былъ «маленькимъ царькомъ», а всегда отзывчивымъ, хорошимъ человѣкомъ. Я положительно не знаю мотивовъ, благодаря которымъ Н. Н. удалилъ артистку, но склоненъ думать, что г-жа Ахметъ, какъ «дочь богатыхъ родителей и кончившая институтъ», требовала отъ него гораздо больше того, чего можно требовать каждому служащему на сценѣ; попросту сказать — капризничала. Вѣдь сцена не институтъ, а антрепренеръ не классная дама!

* * *

Гастроли г. Шувалова въ театрѣ Литературно-Художественнаго Общества начнутся на Святой «Смертью Іоанна Грознаго». Около двадцатаго апрѣля начнутся спектакли съ участіемъ г-жи Днѣпровой. Для дебюта идутъ «Листья шелестятъ», затѣмъ намѣчены «Спорный вопросъ», «Безприданница» и старая пьеса Куликова «Семейные расчеты». За исключеніемъ «Безприданницы», репертуаръ довольно архаическій.

* * *

Весною прошлаго года въ Ниццѣ, въ городскомъ Казино, шла оперетка Герве «Малабарская вдова», съ нѣкогда подвизавшеюся въ Одессѣ Сюзанной Морни въ заглавной роли.

Моимъ сосѣдомъ по креслу оказался нашъ соотечественникъ, старый холостякъ, долго жившій въ Парижѣ. Страстный театралъ, вѣрный посѣтитель клубовъ, живая хроника закулисной стороны свѣтской жизни второй имперіи, онъ до поздней старости неутомимо вращался въ особой обстановкѣ будуаровъ и уборныхъ съ ихъ специфической атмосферой, отзывающейся туалетной водой и душистой пудрой, трата все свое остроуміе исключительно на мастерскую передачу игровыхъ анекдотовъ и городскихъ сплетенъ. Въ его мозгу съ удивительной точностью запечатлѣлось множество ничтожныхъ, всѣми теперь забытыхъ мелочей, — зато событія крупныя, разыгравшіяся за послѣднія сорокъ лѣтъ на другой, болѣе широкой сценѣ, не оставили никакихъ слѣдовъ въ его памяти, промелькнувъ какъ-то незамѣченными. Когда онъ начиналъ повѣствовать о замѣчательныхъ происшествіяхъ театрално-салоннаго свойства, то передъ слушателемъ проходило цѣлое поколѣніе, возставали какъ живые тогдашніе герои, память о которыхъ осталась теперь только на выцвѣтшихъ и пожелтѣвшихъ фотографіяхъ Диздери и Биссона...

На этотъ разъ въ одномъ изъ антрактовъ старикъ сталъ рассказывать о первомъ представленіи «Малабарской вдовы».

— Это происходило 30 го октября 1867 года въ театрѣ Пале-Рояль. Какъ сейчасъ вижу блестящую публику, всѣхъ знаменитостей тогдашняго Парижа, — княгиню Меттернихъ, маркиза Ко, Мадлену Бронанъ, виконта Дарю, доктора Верона, — на элегантныхъ дамъ отъ входившаго тогда въ моду Ворта и на шикарныхъ кавалеровъ съ вытянутыми въ ниточку усами и эспаньолкой à la Морни, или съ короткими баками à la Персиньи... Хорошо помню и нервное безпокойство Мельяка, и хладнокровную увѣренность Герве, не перестававшаго улыбаться своей вѣчной мефистофельской улыбкой, и къ концу вечера неслыханный успѣхъ пьесы и безконечныя рукоплесканія артистамъ, и какимъ артистамъ: Брассеру-отцу, Селинѣ Монталанъ, Зюльмѣ Буффарь!.. Да, точно вчера все это происходило... Боже мой! Какое это было чудное время! Мнѣ просто не вѣрится, что оно уже такъ далеко отъ насъ, — я думаю, что все это происходило лишь вчера...

Увлеченный въ сферу дорогихъ для него воспоминаній изъ близкой и въ то же время чуждой намъ эпохи, поры безобразныхъ кринолиновъ и колоссальныхъ цилиндровъ, дебютовъ Патти и триумфовъ Руэра, растроганный рассказчикъ поникъ сѣдою головою...

Я вспомнилъ объ этомъ старомъ театралѣ, сидя вечеромъ 22-го марта въ залѣ Кононова, на представленіи «Малабарской вдовы», и невольно спросилъ себя: что сказалъ бы этотъ восторженный поклонникъ былой опереточной славы, если бы какимъ-нибудь чудомъ онъ снова оказался моимъ сосѣдомъ?

Рассказываютъ, что въ какомъ-то концертѣ, гдѣ, между прочимъ, была исполнена увертюра «Донъ-Жуана», стоялъ бюстъ Моцарта. По окончаніи концерта одинъ изъ распорядителей въ отчаяніи заявилъ, что онъ не знаетъ, какъ возвратить бюстъ его владѣльцу, потому что отъ исполненія моцартовской музыки мраморное лицо композитора передернулось гримасой. Я не стану гадать о томъ, что случилось бы съ бюстомъ Герве, если бы онъ украшалъ собой спектакль 22-го марта: его тамъ не было. Во всякомъ случаѣ давно извѣстно, что какъ русскія передѣлки живыхъ, легкихъ и остро-

умныхъ фарсовъ совершенно утрачиваютъ свою оригинальность, а часто и смыслъ, обращаясь въ грубую балаганную потѣху для невзыскательной публики, такъ и русская обработка французской оперетки, въ особенности еще съ такъ называемымъ «приспособленіемъ» къ нашей жизни и злѣбъ дня, обыкновенно изгоняетъ изъ оригинала всякую тѣнь остроумія. Остается одна только музыка; потому русская оперетка требуетъ прежде всего хорошаго музыкальнаго исполненія солистовъ, хора и оркестра. Только при этомъ условіи и возможно до нѣкоторой степени вознаградить публику за отсутствіе въ пьесѣ вкуса и остроумія.

Къ сожалѣнію нельзя сказать, что артисты, исполнявшіе «Малабарскую вдову», отвѣчали этимъ требованіямъ; всѣ они, за исключеніемъ одной только г-жи Вальцевой, не возвышались надъ уровнемъ заурядно балаганнаго шаблona.

Послѣ «Малабарской вдовы» публикѣ показывали «живую» фотографію: «послѣдніе снимки съ наиболѣе выдающихся моментовъ трансваальской войны». Кстати о кинематографіи. Оказывается, что нѣчто въ этомъ родѣ существовало еще въ 1805 году и называлось «кинетозографіей». С. П. Жихаревъ въ «Запискахъ Современника» такъ описываетъ представленіе какого-то Робертсона: «Это крошечный театрикъ, состоящій изъ нѣсколькихъ перемѣнъ разныхъ видовъ: то передъ вами Зимній дворецъ съ огромной площадью, то академія художествъ съ широкой рѣкой, то селеніе съ церковью, то прозрачное озеро съ раскинувшимися по берегамъ его рощами и проч. Но какъ все это сдѣлано! По площади разѣзжаютъ экипажи, скачутъ офицеры, идутъ пѣшеходы: кто бѣжитъ, а кто идетъ тихо, едва передвигая ноги; по набережной гуляютъ кавалеры и дамы, встрѣчаются другъ съ другомъ, снимаютъ шляпы, кланяются и дѣлаютъ ручкой, вотъ скачетъ почтовая тройка и останавливается у станціи; выходятъ ямщики, осматриваютъ повозку и т. д. По озеру плаваютъ лодки, однѣ на парусахъ, другія управляются гребцами, а третьи стоятъ на мѣстѣ и съ нихъ рыболовы удятъ рыбу. Между тѣмъ по небу ходятъ прозрачныя облака, вѣтерокъ качаетъ деревьями; наконецъ смеркается, изъ-за горизонта выплываетъ луна — словомъ прелестъ! Умники говорятъ, что это хорошо для дѣтей. Согласенъ; да все-таки хорошо, и такъ хорошо, что я хотѣлъ бы быть ребенкомъ!»

Въ заключеніе спектакля была поставлена музыкальная мозаика въ двухъ дѣйствіяхъ «Цыганскія пѣсни въ лицахъ». Здѣсь очень недурны были г-жи Вальцева и Раисова. Помните у поэта:

Грудь — подвижна, плечи — живы!
Взгляды жгучихъ, черныхъ глазъ —
Это дерзкіе призывы
Къ страсти каждаго изъ насъ...

Хотя г-жа Вальцева изображала не такую цыганку «стени вольное дитя», а одну изъ загородныхъ звѣздочекъ, все же выходило очень мило. А такъ какъ на сценѣ кромѣ Группи — г-жи Вальцевой, Зины — г-жи Раисовой и Николая Ивановича Пышкина — г. Васильева находились еще:

Лена, Шура, Нюша,
Варя, Маня, Ксюша,
Дмитрій и Илья —
Словомъ вся семья!

и «Туса, туса, туса, макамъ чо чо» перемѣшивалось съ «Мы въ степяхъ какъ дома, багдамъ садорома», то легко можно было вообразить себя въ одномъ изъ кабинетовъ «Аркадіи», что, вѣроятно, и требовалось доказать.

Впрочемъ, публика была довольна, много аплодировала, — ну, и слава Богу.

Юр. М — въ.

* * *

Въ воскресенье, 26-го марта, въ Михайловскомъ театрѣ состоялся утренній спектакль, устраиваемый ежегодно съ участіемъ какъ балетнаго класса, такъ и учениковъ драматическихъ курсовъ Императорскаго театральнаго училища, — для избранной публики.

Поставлены были сочиненные специально для этого спектакля два небольшихъ балета П. А. Гердта «Искра любви» и Э. Чекетти «Обольщенные тѣни», въ которыхъ каждый балетмейстеръ показалъ учениковъ и ученицъ своего класса, и первые два акта комедіи Островскаго «Женитьба Бальзамина».

Въ «Искрѣ любви» хорошо были исполнены: народный танецъ, танцы наядъ, джига, нѣсколько слабѣ испанскій танецъ и италіанскій. Изъ молодыхъ танцовщицъ отмѣтимъ г-жу Карлсонъ въ роли водяной феи. Она танцевала граціозно и отчетливо. Недурны также г-жи Гердтъ, Петица, Алксне и Эдуардова. Мужской персоналъ значительно слабѣ. Гг. Григорьевъ и Фремонъ обнаружили плохую мимику и недостаточную подготовку.

Балетъ «Обольщенные тѣни», напоминающій своими группами поставленный нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Парижѣ балетъ «Эксцельсіоръ», а декорацией второго акта оперу молодого Вагнера «Гансъ Медвѣдь», далъ возможность г-жамъ Виль, Снѣтковой, Нестеровской и нѣкоторымъ другимъ обнаружить хорошую школу. Въ варіаціяхъ хороши были г-жи Спрышинская, Федорова и г. Петровъ. Что касается г-жи Про-

хоровой, то объ ней скажемъ только, что стихотвореніе, посвященное какому то балетоманомъ балеринѣ Никитиной:

Хоть немножко ножки тонки —
Зато — талантомъ вы полны!

къ ней совсѣмъ не подошло бы. У нея совсѣмъ наоборотъ. Она слишкомъ полна для того, чтобы танцевать, да къ тому же вариации на пунтахъ доказали, что многолѣтняя школа принесла ей очень мало пользы. Юр. М.—въ.

* * *

Новости къ сезону. Басъ г. Антоновскій принять безъ дебюта на Маринскую сцену.

Баритонъ г. Соколовъ подписалъ съ дирекціей Императорскихъ московскихъ театровъ контрактъ срокомъ на одинъ годъ.

Баритонъ г. Оленинъ подписалъ контрактъ съ московскимъ Императорскимъ театромъ, въ которомъ и начнетъ свою дѣятельность съ сентября мѣсяца.

Въ труппу Корша приглашенъ провинціальный артистъ В. Д. Муравьевъ-Свирскій, на роли драматическихъ любовниковъ.

Сформирована для предстоящаго лѣтняго сезона труппа-фарсъ для кievскаго сала «Шато-де-Флеръ». Женскій персоналъ: г-жи Павлова, Тарская, Варина, Азачневская, Натаръ, Скальская, Вѣрина. Завьялова, Прокофьева, Каренина, Никонова; мужской: гг. Шмитгофъ, Полтавцевъ, Грѣховъ, Вербинъ, Васильевъ, Майскій, Дольскій, Миловидовъ, Сѣраковский, Владиславскій. Режиссеры: Н. Н. Киселевичъ и М. А. Полтавцевъ.

На службу въ московскую Императорскую драматическую труппу принята въ качествѣ суфлера г-жа Островская.

Составъ опереточной труппы театра «Швейцарія» въ Вильнѣ слѣдующій: главный режиссеръ А. Блюменталь-Тамаринъ, 1-я каскадная пѣвица—г-жа Никитина, 2 — г-жа Борская, 1-я лирическая — г-жа Стефани-Варгина, 2-я г-жа Сѣверова, комич. старуха—г-жа Делормъ, комики—г. Жилинъ и г. Градовъ, теноръ—г. Михайловъ, баритонъ—г. Бояровъ, протаски—гг. Шелеховъ и Панинъ, 2-ой протаскъ—г. Бородинъ. Хоръ изъ 30-ти человекъ, оркестръ изъ 20 человекъ, подъ управленіемъ г. Палеева. Начало сезона 30 апрѣля.

Антреприза Витебскаго театра на предстоящій зимній сезонъ передана В. Я. Шамардину, премьеру Костромской сцены минувшаго сезона.

Орловскій театръ снова остался за г. Томскимъ, слѣвавшимъ прекрасная дѣла нынѣшнею зимою, до 31,000 р. общей суммы сбора.

Новороссійскъ снятъ товариществомъ съ г. Звѣздинымъ во главѣ. Сезонъ продолжится отъ 30 апрѣля по 1 августа.

* * *

Сообщаемъ составы нѣкоторыхъ труппъ.

Томскъ. Антреприза М. И. Каширина. Составъ труппы: г-жи Смирнова, Элмеръ, Горская, Снѣжина, гг. Аяровъ, Бѣлоконовъ, Раковский, Ратировъ, Цвиллиневъ, Долинъ и др. Предполагаются къ постановкѣ: трилогія Толстого («Смерть Іоанна Грознаго», «Царь Ѳедоръ Іоанновичъ», «Царь Борисъ»), «Идиотъ», «Преступленіе и наказаніе» и др. новинки послѣдняго сезона. Бюджетъ труппы 42,000 р.

Ставрополь. Дирекція. Драма. Составъ труппы: г-жи Глинская, Невѣрова, Пояркова, Поль, Лядова, Эмская, Чеховская, Драгомѣръ, Вѣжина, гг. Башкировъ, Дубецкій, Марковъ, Даниловъ, Стрепетовъ, Шалковский, Гутьяръ, Вербинъ, Александровъ. Режиссеръ Л. В. Дебецкой. Пом. реж. — Вербинъ. Суфлеръ—Чеховскій.

Бобруйскъ. Лѣто. Драма. Товарищество, подъ упр. А. І. Крамова. Составъ труппы: г-жи В. А. Абрамова, Л. Н. Мельникова, М. А. Нининская, Ф. Ѳ. Муромцева, В. А. Ланина, М. М. Маревичъ, К. В. Остренская, Е. М. Борская, З. А. Катарская, Л. С. Шуйская, К. К. Мавринъ, С. А. Катарскій, В. Н. Шуйскій, А. С. Ивонинъ, И. В. Яковлевъ-Чумаковъ, В. А. Беръ, Н. Я. Готовецъ, И. Я. Шатовъ, Б. А. Голубевъ. Режиссеръ А. І. Крамовъ.

* * *

Предстоящій лѣтній сезонъ въ Петербургѣ едва ли отличается особымъ оживленіемъ. Въ «Озеркахъ» новая дирекція Е. Е. Ковалевскаго. Въ составѣ труппы: г-жи Журавлева, Кварталова, Бурдина, гг. Борисовскій, Эльскій и др. Предполагаются гастроли г-жъ Рыбчинской, Пасхаловой, г. Садовскаго и др.

Въ «Аркадіи», въ закрытомъ театрѣ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, оперное товарищество, подъ управленіемъ М. Максаква. На открытой сценѣ драма, подъ режиссерствомъ Я. В. Быховца-Самарина.

Въ саду Неметти, по прежнему, оперетка, съ участіемъ г-жи Райсовой, Кестлеръ, Добротини, гг. Сѣверскаго, Рукоскаго, Вилинскаго и пр. Въ театрѣ «Олимпія» у Николаева-Соколовскаго будетъ не оперетка, а фарсъ.

Петербургское попечительство съ Пасхи будетъ ставить спектакли въ Таврическомъ саду и Екатерингофскомъ, Новый театръ (б. Стекланнй зав.) будетъ окончательно отблываться и спектаклей въ немъ до будущей зимы не будетъ. Въ садѣ

Тумпакова режиссеромъ приглашенъ И. И. Шуваловъ, въ садѣ «Америку» І. І. Арди, въ театрѣ Невскаго Общества г. Горскій. Режиссеромъ Василеостровскаго театра, какъ мы уже сообщали, приглашенъ С. А. Свѣтловъ.

ГАСТРОЛИ НѢМЕЦКОЙ ОПЕРЕТКИ.

Г-жа Ауріели Ревн
въ роли Габріели («Viener Blut»).

Въ репертуаръ Художественно Общедоступнаго театра на будущій сезонъ включена трагедія гр. А. К. Толстого «Посадникъ», не шедшая въ Москвѣ послѣ представленія въ Маломъ театрѣ около 22 лѣтъ. Пойдетъ также «Снѣгурочка», возобновляемая и въ Маломъ театрѣ. Благородное соревнованіе, быть можетъ, будетъ убыточно въ матеріальномъ отношеніи, но доставитъ удовольствіе публикѣ. Г. Чеховъ, написалъ пьесу, которую отдаетъ въ Художественно-Общедоступный театръ. Кстати г. Чеховъ, какъ мы слышали, не разрѣшилъ постановки «Дяди Вани» Императорскимъ театрамъ. Прекрасный урокъ...

* * *

30-го марта исполнилось двадцать лѣтъ дѣятельности артиста оперной труппы Императорскихъ театровъ В. Я. Майборода. Музыкальное образованіе онъ получилъ въ С.-Петербургской консерваторіи у професоровъ Эверарди и Рубца. Впервые появился на сценѣ въ роли донъ-Діего «Африканки» Мейербера 7-го апрѣля 1878 г. въ оперномъ испытаніи учениковъ консерваторіи. 30-го марта 1880 г. послѣ дебюта въ въ оперѣ «Рогнеда»—въ роли Странника. В. Я. вступилъ въ составъ русской оперной труппы, гдѣ находится и въ настоящее время. Для дальнѣйшаго усовершенствованія своего таланта г. Майборода два раза предпринималъ путешествіе въ Италію, гдѣ занимался пѣніемъ подъ руководствомъ проф. Ламперти, Антонія Буцци и Себастьяна Роскони. Репертуаръ В. Я. весьма обширенъ; онъ исполнялъ роли: Сень-Бри въ «Гугенотахъ», Оберталь—въ «Пророкѣ», донъ Базилио—въ «Севильскомъ цирюльникѣ», Сусанина—въ «Жизнь за Царя», Орлика—въ «Мазепѣ», Мефистофеля—въ «Фаустѣ», Руслана—въ «Русланъ и Людмила», Лоренцо—въ «Ромео», Сурина—въ «Пиковой дамѣ», Владимира Галицкаго—въ «Князѣ Игорѣ», Гремина—въ «Евгеніи Онѣгинѣ», епископа—въ «Корделии», Верейскаго—въ «Дубровскомъ», короля—въ «Юланта», ландграфа—въ «Тангейзерѣ» и другія. В. Я. нѣсколько разъ принималъ участіе въ операхъ въ Эрмитажѣ и въ концертахъ въ Зимнемъ Дворцѣ. Почти во всѣхъ выдающихся городахъ Россіи онъ съ блестящимъ успѣхомъ давалъ свои концерты и являлся однимъ изъ лучшихъ исполнителей романсовъ: «Ты помнишь ли», «Читаю я въ твоихъ глазахъ» и др.

Московскія впечатлѣнія.

Отъ нашего спеціального корреспондента.

III.

24 марта.

А вѣн вчера выдался рѣдкостный. Солнышко, точно послѣ долгой и усиленной борьбы выравнившееся изъ-за тучъ, засіяло совсѣмъ по-весеннему, согрѣвая своими лучами и холоднаго, и голоднаго, и здороваго и больного... Грязи и сликоти, въ лужахъ которыхъ еще вчерашнимъ утромъ можно было завязнуть и потонуть,—сегодня какъ не бывало. Такая погода, — особенно въ первый—второй день послѣ того, какъ она установится, всегда настраиваетъ какъ-то особенно. Чувствуешь себя немножко по-праздничному. Впрочемъ, сегодня такой ужъ удачный день, сегодня все радуется, все кажется въ розовомъ цвѣтѣ. Такое настроеніе бываетъ только въ очень-очень большие праздники „ума и сердца“.

Вообще, мнѣ не приходилось упрекать себя въ отрицательномъ отношеніи къ актеръ, ибо я всегда его любилъ и никогда не считалъ его „пронашимъ“ и „отверженнымъ“, но только сегодня—искренно сознаю въ этомъ—я впервые понялъ, какавъ, въ сущности, „хрустальная душа“ у этого актера, и какъ мы всѣ грѣшимъ противъ него.

Пусть онъ часто увлекается, колеблется, сбивается съ пути, пусть будетъ одностороненъ—не бѣда; таковы удѣлы всѣхъ неуравновѣшенныхъ людей, всѣхъ тѣхъ, кто способенъ на „пылъ сердечный“ и „чувства нѣжныя“.

Пора, наконецъ, отрѣшиться отъ тѣхъ рутинныхъ взглядовъ на „несвободнаго дѣятеля свободнаго поприща“, которые вкоренились въ насъ въ продолженіи полутораста лѣтъ. До сихъ поръ—да и то въ лучшихъ случаяхъ—мы только эксплуатировали его подѣ видомъ разныхъ благотворительныхъ концертовъ и спектаклей. Сами же мало для него дѣлали и если онъ чего нибудь добился, то въ этомъ во всякомъ случаѣ не насъ слѣдуетъ винить.

А добился онъ дѣйствительно многого. Объ этомъ свидѣлствуетъ интересъ къ быту и правамъ сценическихъ дѣятелей, который несомнѣнно появился въ обществѣ. Но наибольшая и самая трудная работа еще впереди. Это хорошо сознаютъ и тѣ представители актерскаго сословія, которые были выбраны въ засѣданіе комиссіи по разработкѣ основныхъ положеній будущей корпораціи сценическихъ дѣятелей, какъ отдѣльнаго сословія.

Вчера эта комиссія, наконецъ, произнесла роковое слово „Союзъ“. Этимъ уже мѣняется совершенно положеніе сценическаго дѣятеля, который изъ представителя отрицаемой и, если хотите, нѣкоторыми презираемой профессіи превращается вдругъ въ правоспособнаго и полезнаго дѣятеля государства. Пусть это только проектъ, который долженъ пройти черезъ многія законодательныя инстанціи, пусть въ проектѣ пока множество несуразностей и ошибокъ,—сама мысль о такомъ единеніи значительно поднимаетъ въ глазахъ общества все актерское сословіе.

Комиссія начала свои засѣданія въ Маломъ театрѣ въ 7 час. вечера 22-го марта. По выясненіи основной цѣли новаго учрежденія—поднятіе нравственнаго уровня и развитіе взаимопомощи между сценическими дѣятелями—было приступлено къ опредѣленію самого названія этого учрежденія.

Мысль, неоднократно высказываемая въ нашемъ журналѣ, о томъ, что долженъ быть учрежденъ среди актеровъ „союзъ“, а не корпорація—восторжествовала, ибо по проекту—актеры составятъ „союзъ сценическихъ дѣятелей“; предполагается названіе формулировать даже болѣе точно—„союзъ профессиональныхъ сценическихъ дѣятелей“. Въ началѣ кто-то внесъ предложеніе, чтобы союзъ назывался такъ: „союзъ сценическихъ художественныхъ дѣятелей“. Однако, когда начали опредѣлять тѣ элементы, которые должны подойти подѣ понятіе „художественный“, то окончательно всѣ сбились съ толку. Попробуйте разобратъ, чья дѣятельность можетъ быть названа художественной! Пришлося поэтому рѣшительно отказаться отъ включенія въ названіе слова „художественныхъ“ и замѣнить его словомъ—„профессиональныхъ“. Теперь необходимо было опредѣлить—кто можетъ быть названъ „сценическимъ“ дѣятелемъ. Послѣ долгихъ и усиленныхъ прерій сюда, наконецъ, включили: предпринимателей, распорядителей товариществъ, режиссеровъ, драматическихъ, оперныхъ, опереточныхъ и балетныхъ артистовъ и артистокъ,—оркестровыхъ музыкантовъ, капельмейстеровъ, суфлеровъ, помощниковъ режиссеровъ, декораторовъ, машинистовъ, плотниковъ, драматическихъ писателей и художественныхъ критиковъ. Наибольшіе дебаты вызвали, какъ нужно

было и предполагать, драматическіе писатели и художественные критики. Г. Свѣтловъ очень длинной и весьма дѣльной рѣчью старался убѣдить комиссію въ томъ, что драматическихъ писателей, а также и художественныхъ критиковъ не слѣдуетъ включать въ тѣ категоріи, которыя будутъ допускаться въ союзъ, ибо „интересы ихъ значительно разнятся отъ интересовъ актера“; драматическій писатель, напр., „думаетъ о томъ, чтобы побольше нажить отъ своихъ пьесъ; актеръ же мечтаетъ о томъ, чтобы поменьше платить драматическому автору“ и, такимъ образомъ, можетъ возникнуть антагонизмъ. Кроме того „драматическимъ авторомъ сдѣлаться очень легко“. Г. Кремлевъ сейчасъ же примкнулъ къ этому заявленію и сказалъ нѣсколько весьма либеральныхъ колкостей по адресу представителей и сообщилъ, — вѣроятно считая это за новость,—что многіе писатели по своимъ нравственнымъ достоинствамъ „не могутъ быть названы не только драматическимъ писателемъ, но и вообще писателемъ“. Кто-то изъ артистовъ, кажется, П. А. Стренетова, заявила, „что среди актеровъ также найдется не мало такихъ, которые никоимъ образомъ не могутъ быть названы актеромъ“. Е. П. Карновъ высказалъ, между прочимъ, ту мысль, что дѣятельность драматическаго автора находится въ непосредственной связи съ дѣятельностью актера, и наоборотъ. Но болѣе энергично высказался авторскій репретъ Г. Никулинъ, который заявилъ, что нельзя отрицать тотъ элементъ, безъ котораго немислима дѣятельность актера; драматическій писатель даетъ матеріалъ актеръ, а художественный критикъ указываетъ недостатки, взвѣшиваетъ, освѣщаетъ его дѣятельность. „Какъ же, закончилъ Г. Никулинъ, мы не будемъ принимать въ союзъ тѣхъ, кто насъ дополняетъ и, если хотите, одушевляетъ“. Почти то же, хотя болѣе горячо и болѣе нервно, сказалъ Т. Н. Селивановъ. Его мнѣніе имѣло рѣшающее значеніе и вопросъ былъ исчерпанъ.

Органами управленія будущаго Союза признаются: 1) Общее годовое собраніе членовъ въ Москвѣ, въ теченіе Великаго поста; 2) чрезвычайныя собранія по мѣрѣ надобности; 3) центральное управленіе (Союза въ г. Москвѣ), состоящее изъ 7 членовъ, приглашаемыхъ на жалованьи на 3 года. Кроме того, избираются 7 кандидатовъ, которые получаютъ жалованье только въ случаѣ замѣны кого-либо изъ членовъ. 4) Филиалныя отдѣленія Союза, учреждаемыя въ разныхъ мѣстахъ, по мѣрѣ надобности. 4) уполномоченные, дѣйствующіе въ разныхъ мѣстахъ и по инструкціямъ центрального управленія.

Вопросъ о цenzѣ былъ разрѣшенъ скоро, даже черезъ часъ скоро и поэтому комиссія сдѣлаетъ большую ошибку, если оставитъ его въ такомъ видѣ. Цензомъ для будущихъ членовъ Союза признана трехлѣтняя сценическая дѣятельность. До этого же времени каждый имѣетъ право считаться кандидатомъ въ члены и вносить установленную сумму въ пенсіонную кассу. Послѣднее обстоятельство составляетъ измѣненіе одного изъ §§ устава „союза германскихъ сценическихъ дѣятелей“, о которомъ въ нашемъ журналѣ въ прошломъ году была помѣщена большая статья М. Рязанова.

Замѣчу кстатѣ, кто-то изъ членовъ комиссіи неоднократно читалъ выдержки изъ этой статьи. Эти выдержки послужили руководящими началами для разработки нѣкоторыхъ положеній.

Начали было толковать еще о „нравственномъ цензѣ“, но это предложеніе встрѣтило рѣзкій протестъ съ стороны гг. Никулина и Селиванова. Первый толковалъ о „забвеніи прошлыхъ грѣховъ“. Говорилъ онъ это очень рѣшительно. Впрочемъ, рѣшительность его хорошо и давно извѣстна, и, разумѣется, въ ней нискогда и никогда не сомнѣвался. Т. Н. Селивановъ заявилъ, что даже обвиненный по суду не можетъ считаться негоднымъ для Союза, ибо онъ зналъ одного очень большого актера, нынѣ уже умершаго, который, въ бытность свою нотаріусомъ, обвинялся въ растратѣ. Послѣ же того онъ былъ почти гордостью русскаго театра. Къ этому кто-то, кажется П. П. Струйскій, добавилъ замѣчаніе, что, во-первыхъ, тотъ, кто вступаетъ въ Союзъ, будетъ бояться того, чтобы за неблаговидный поступокъ его не исключили изъ Союза и сдѣлать это онъ только можетъ исправиться, а, во-вторыхъ, въ началѣ, при основаніи Союза, не приходится быть разборчивымъ. Въ будущемъ все возможно, но думать о далекомъ будущемъ пока еще рано.

„Нравственный“ цензъ, такимъ образомъ, признанъ былъ „нецѣлесообразнымъ“, риску, тѣмъ самымъ, сразу превративъ будущій Союзъ въ „непобѣдимую армаду“ по численности, хотя едва-ли по духу.

*) См. № 13.

IV.

25-го марта.

Коммисія не успѣла закончить свои занятія третьяго дня, какъ то предполагалось раньше, поэтому общее собраніе было отложено на субботу, 25 марта. Самыя засѣданія были перенесены изъ Малаго театра въ Новый.

24-го марта коммисія работала съ 11 до 5 час. дня и съ 7½ до 12 час. вечера. Выработка основныхъ положеній Союза закончилась еще днемъ. Первымъ вопросомъ, возбужденнымъ на послѣднемъ засѣданіи, — былъ вопросъ о пересмотрѣ ценза. Многие настаивали на томъ, что срокъ сценической дѣятельности необходимо увеличить до 5 лѣтъ. Кромѣ того, не мѣшало-бы учредить и баллотировку для вновь вступающихъ членовъ. Противъ этого предложенія возражалъ г. Селивановъ. Онъ, энергично ударяя себя „въ перси“, говорилъ о томъ, что Союзъ долженъ поддерживать молодыя силы въ началѣ карьеры, поэтому пятилѣтній искусь для нихъ слишкомъ продолжителенъ. Его рѣчь, по обыкновенію, имѣла рѣшающее значеніе. Однако, кто-то изъ членовъ возбудилъ параллельно другой резонный вопросъ: какъ поступать съ тѣми, чья дѣятельность будетъ идти съ перерывами. Рѣшено поэтому считать 3 года съ начала карьеры. Такимъ образомъ, на практикѣ можетъ случиться, что необходимымъ цензомъ будетъ обладать и тотъ, кто прослужилъ на сценѣ только 1 мѣсяцъ, а остальные 2 года и 11 мѣсяцевъ занимался совершенно постороннимъ дѣломъ. Вообще понятіе о цензѣ у членовъ коммисіи, повидному, довольно смутное. Только этимъ и можно объяснить многія неясности, которые гордились на засѣданіяхъ.

Начатый еще наканунѣ вопросъ о судѣ чести былъ, наконецъ, послѣ долгихъ преній, разрѣшенъ. Такъ какъ большинство членовъ склонялось къ тому, чтобы учрежденъ былъ третейскій судъ, то рѣшено въ каждой труппѣ открыть *товарищескіе суды* на началахъ третейскаго суда. Кромѣ того, для лицъ, нежелающихъ подвергаться суду товарищей, утвержденъ особый судъ — *постоянный судъ* (изъ 5 человекъ) при Центральномъ Управленіи Союза, состоящій изъ лицъ, выбираемыхъ на годъ. Наконецъ, наивысшей судебной инстанціей, въ которой можно обжаловать постановленія товарищескаго и постоянного судовъ, служить годовое Общее Собраніе членовъ Союза. Такимъ образомъ, предполагается учредить цѣлую серію судебныхъ инстанцій. Недостаётъ только, чтобы былъ выработанъ отдѣльный судебный уставъ, томахъ, этакъ, въ пяти. Разсмотрѣнію и разрѣшенію суда Союза подлежатъ всѣ недоразумѣнія и споры, могущіе возникнуть между членами Союза на почвѣ нравственныхъ и профессиональных интересовъ. Къ карательнымъ мѣрамъ, которыя будетъ налагать судъ Союза, принадлежатъ: 1) замѣчаніе, 2) выговоръ, 3) временное удаленіе изъ Союза и 4) совершенное исключеніе изъ Союза. Послѣдняя мѣра примѣняется въ томъ случаѣ, когда подсудимый уже три раза былъ удаленъ изъ Союза временно. Дѣла могутъ быть возбуждаемы не только по жалобѣ кого-либо изъ членовъ Союза, но и по инициативѣ самого Центрального Управленія Союза. Постановленія судовъ помѣщаются въ отчетѣхъ Союза.

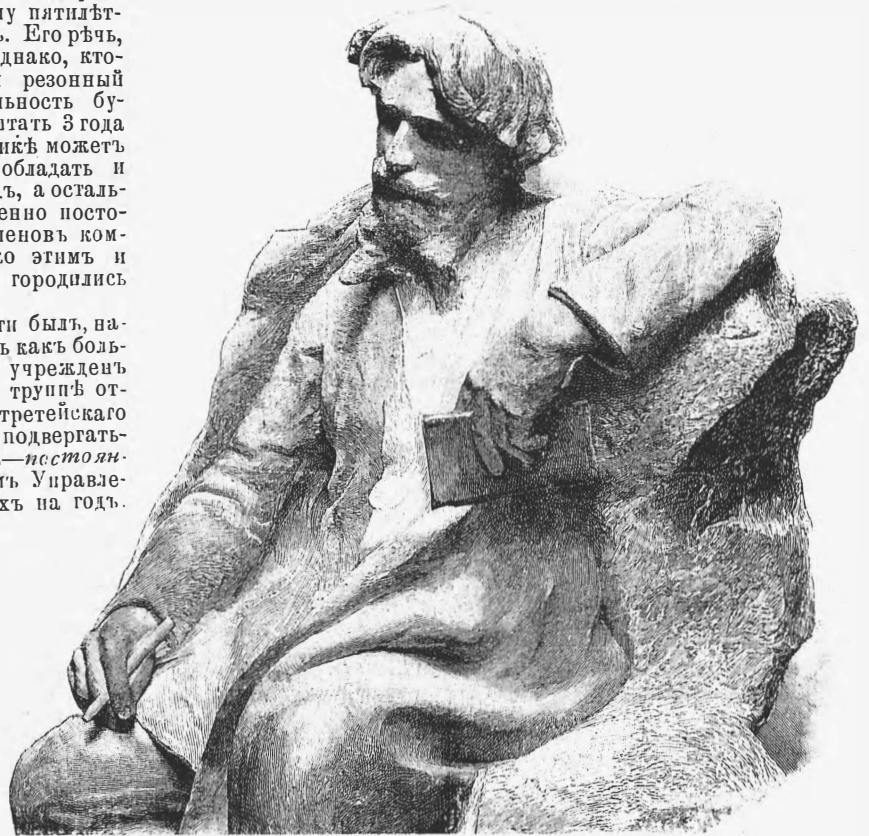
По предложенію антрепренеровъ и, въ особенности, г. Никулина была поднята вопросъ о томъ, какъ поступать членамъ Союза съ тѣми сценическими дѣятелями, которые не принадлежатъ къ Союзу. Г. Никулинъ, ссылаясь на уставъ Союза германскихъ сценическихъ дѣятелей, настаивалъ на томъ, чтобы членамъ Союза было воспрещено входить въ какія-либо сдѣлки съ лицами, не принадлежащими къ Союзу. Сначала это предложеніе было единогласно принято, но потомъ нѣкоторые изъ членовъ, ссылаясь на то, что такая мѣра можетъ очень печально отозваться на тѣхъ дѣятеляхъ, которые по разнымъ причинамъ, часто отъ нихъ независимымъ, не могутъ войти въ составъ членовъ Союза, — настояли на томъ, чтобы вышеприведенное постановленіе было отмѣнено и было замѣнено такимъ положеніемъ: „Такъ какъ среди сценическихъ дѣятелей могутъ находиться лица, настолько не высоко стоящіе въ нравственномъ отношеніи, что вступленіе съ ними въ служебныя сдѣлки въ высшей степени нежелательно, то членамъ Союза, по постановленію Центрального Управленія, предлагается не входить съ такими лицами въ какія-либо сдѣлки“. Особымъ дополненіемъ къ настоящему положенію служить тотъ пунктъ, въ которомъ Центральное Управленіе оставляетъ за собой право — запрещать своимъ членамъ, подъ угрозой карательной мѣры, какія-либо служебныя сдѣлки съ лицами, хотя-бы и *непринадлежащими къ Союзу, но замѣченными въ дѣлахъ предосудительнаго свойства*. Разумѣется, здѣсь подразумѣваются взаимноотно-

шенія исключительно профессиональных дѣятелей и, главнымъ образомъ, на почвѣ коммерческихъ интересовъ.

Кромѣ того, высказано было желаніе открыть при Союзѣ, по мѣрѣ надобности, учрежденія взаимопомощи: ссудныя и эмеритальныя кассы, кассы для вдовъ и сиротъ, похоронной кассы, взаимнаго страхованія, клубъ и пр. Вообще, проблематическихъ желаній въ уставѣ будущаго Союза хоть отбавляй.

Членскіе взносы въ союзъ вносятся въ размѣрѣ, опредѣленнаго I Съѣздомъ сценическихъ дѣятелей, процентнаго отчисленія изъ заработка, причемъ взносъ драматическаго писателя принаровленъ наивысшему размѣру.

Окончательно цѣль Союза формулирована такъ: „административно-нравственная (??) и развитіе взаимопомощи и самопомощи между сценическими дѣятелями“.

Памятникъ АЛЬФОНСУ ДОДЭ.

Работы скульптора Фальгьера для гор. Нима.

Любопытно было выслушать заявленіе нѣкоторыхъ наивныхъ членовъ о томъ, чтобы было исходатайствовано право на ношеніе членамъ Союза особыхъ знаговъ.

Этимъ закончилась выработка положеній будущаго Союза.

Затѣмъ было приступлено къ разсмотрѣнію проекта устава русскаго Театральнаго Общества. Цѣль его — содѣйствіе вѣстороннему развитію театральнаго дѣла въ Россіи. Члены Союза *обязаны* быть и членами Общества. Члены Об-ва, не обладающіе достаточнымъ цензомъ для вступленія въ Союзъ, считаются кандидатами въ члены Союза.

Мы не будемъ приводить дословно всѣ измѣненія въ проектѣ Устава. Этотъ проектъ своевременно былъ разосланъ членамъ Общества. Наиболѣе измѣнены §§ 2, 5, 6, 9, 14, 16, 21 и 40. Затѣмъ §§ 41—44 („Судъ чести“) отвѣсены въ уставъ Союза.

При разсмотрѣніи вопроса о театрално-справочныхъ Бюро, артистъ г. Рѣшетниковъ прочиталъ докладъ о томъ, что тотъ порядокъ, какой существуетъ въ данное время въ московскомъ Бюро — нуждается въ радикальномъ измѣненіи. Такъ какъ этотъ докладъ носилъ чересчуръ личный характеръ, то онъ встрѣтилъ единодушный протестъ со стороны всѣхъ членовъ коммисіи.

Нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что къ уставу Общества члены коммисіи относились съ меньшимъ рвеніемъ, чѣмъ къ основнымъ положеніямъ Союза. Относи-

тельно устава дебатировали только А. Е. Молчановъ, какъ председатель, неутомимый Г. Кремлевъ, Е. П. Карповъ и Т. Н. Селивановъ. Остальные же „безъ дальнихъ словъ и разсуждений“ почти со всѣмъ соглашались.

V.

26 марта.

„Въ субботу, 25-го марта, Бюро, по случаю праздника, будетъ открыто только до часу дня“. Такъ гласитъ объявление. Собрание же начнется только въ часъ, слѣдовательно можно уснуть и туда, и сюда. Кстати, въдѣ только въ Бюро и можно узнать „правду-матку“ о томъ, что думаютъ сценическіе дѣятели относительно работы выборной комиссіи. Въ собраніи будетъ уже не то, ибо большинство актеровъ—какъ ни какъ—не обладаетъ особеннымъ гражданскимъ мужествомъ и только немногіе изъ нихъ рѣшатся безъ суфлера выступить на трибуну. Скажу болѣе: желаніе высказаться у актера обратно пропорционально боязни показаться смѣшнымъ.

Отправлюсь поэтому въ Бюро. На этотъ разъ пріѣхалъ однако и чересчуръ рано. Кромѣ И. О. Пальмина, являющагося въ Бюро, кажется, еще „съ пѣтухами“, да двухъ-трехъ молодыхъ актеровъ, уныло потягивающихъ папирсы—еще никого нѣтъ. Пальминъ сидитъ уже за дѣлами. Передъ нимъ на столѣ цѣлая гора книгъ, одна другой толще.

— Хотите взглянуть на нашу работу? спрашиваетъ онъ, указывая на книги.

И, конечно, съ удовольствіемъ соглашаюсь. беру первую, попавшуюся подъ руки, книгу. Оказывается контрольная книга всѣхъ писемъ и телеграммъ, полученныхъ и отправленныхъ московскимъ Бюро. Такихъ книгъ съ Великаго поста 1897 г. написано уже 25, по 500 страницъ каждая. Всего получено разныхъ запросовъ и отправлено по нимъ отвѣтовъ съ указаннаго времени и по настоящей день—17,803. Цифра очень внушительная! Заглядываю въ книгу ангажементовъ. Вотъ наиболѣе интересныя цифры оттуда: за 1897 г. заключено контрактовъ по 24 мая—121, до конца года—337, за 1898 г.—879, за 1899—902. За постъ 1899 г. подписано всего контрактовъ—630, въ пынѣшемъ же году только до 25-го марта—690, а до конца поста въдѣ остается еще двѣ недѣли. Такимъ образомъ несомнѣнно, что дѣятельность Бюро съ каждымъ годомъ значительно расширяется. Кромѣ того передо мной лежатъ еще цѣлая гора книгъ: „Полная регистровка всѣхъ русскихъ артистовъ“, „Адресная книга артистовъ“, „Книга театровъ Россійской Имперіи“ и пр. Помимо того, для *каждаго* антрепренера, заключающаго ангажементы черезъ Бюро, заведено отдѣльное „дѣло“. Оказывается, что капцѣлрская сторона дѣла требуетъ огромнаго труда.

— Просто силъ не хватаетъ, чуть не плача сообщаетъ мнѣ И. О. Пальминъ.—Здѣсь работаешь съ разсвѣта и до поздней ночи, а затѣмъ берешь работу еще на домъ. Безъ помощниковъ обойтись мнѣ и теперь очень трудно, а въ будущемъ совершенно невозможно.

Дальнѣйшія изліянія И. О. прерываются приходомъ какой-то „комической старухи“, которая еще издали кричитъ:

— Это со стороны NN (слѣдуетъ фамилія извѣстнаго антрепренера) прямо безбожно. Такъ женщину обижать нельзя. Это безсовѣстно.

Оказывается, эта почтенная дама подписала къ одному антрепренеру на лѣтній сезонъ 1900 г. еще въ январѣ, но теперь, получивъ болѣе выгодный ангажементъ, она рѣшила перейти къ другому антрепренеру, а первого—въ концѣ Великаго поста, когда уже всѣ лучшія силы ангажированы—бросаетъ. Онъ, разумеется, съ ней не стѣсняется и высказываетъ съ нея неустойку. По женской логикѣ выходитъ, что его поступокъ—безсовѣстный, а ея—въ порядкѣ вещей.

На смѣну ей является очаровательная брюнеточка, которая очень убѣдительно проситъ Пальмина поскорѣе ее „пристроить“ въ какую-нибудь труппу и непременно „съ авансомъ“. Чудные глазки ея при этомъ быстро бѣгаютъ по сторонамъ, словно ищутъ какого-нибудь легковѣрнаго антрепренера. „Ахъ, эги глазки—полны ласки“ или что-то въ этомъ родѣ вспоминается мнѣ.

— Актриса-дубина! категорически разрушаетъ мои иллюзіи сидящій рядомъ антрепренеръ.

— Послушайте, обращается ко мнѣ другой антрепренеръ, извѣстный среди актеровъ болѣе подлѣ именемъ „Возчика Геншеля“,—нельзя ли мою біографію и мой портретъ помѣстить въ IV выпускъ „Словаря сценическихъ дѣятелей“.

— Ваша фамилія?

Оказывается на букву Л.

— Въ IV выпускъ, сообщаю я,—войдутъ только на букву Г. Вамъ же придется годично-другой обождать.

— Ерунда все это. Если захотите, то помѣстите и теперь.

Разубѣдить его, очевидно, трудно и я спѣшу поскорѣе благородно ретироваться.

— А въдѣ, я вамъ доложу, говоритъ одинъ актеръ, слышавшій предыдущій разговоръ,—біографіа Л. была бы очень поучительна для потомства. Это очень яркій примѣръ того, какъ часто у насъ создаются капиталисты-антрепренеры. Онъ, изволите ли видѣть, былъ сначала въ Орлѣ домовымъ извозчикомъ, потомъ легковымъ, затѣмъ буфетчикомъ и, такимъ образомъ, достигнулъ „степеней извѣстности“. А теперь онъ куражится надъ нашимъ братомъ актеромъ.

Я вспомнилъ, что по выработанному нашей милой комиссіей проекту Союза,—онъ также имѣетъ право быть его членомъ. Даже, можетъ быть, попадетъ въ судьи чести. Пріятная перспектива...

Вотъ группа лицъ, состоящая изъ „ниженюстой“ блондинки, дамы „пріятной во всѣхъ отношеніяхъ“, старичка съ вытянутой, точно у недовольнаго индюка, шеей („Непремѣнно благородный отецъ!“ рѣшилъ я) и юнца, полнаго силъ и здоровья. Споръ между ними ведется оживленно.

Наиболѣе горячится предполагаемый „благородный отецъ“.

— Нѣтъ-съ. Анна Николаевна, обращается онъ къ дамѣ „пріятной во всѣхъ отношеніяхъ“.—Такъ на дѣло смотрѣть нельзя. Вы представьте себѣ, что съ вами въ труппѣ служить статистъ, положимъ, изъ саножниковъ. Это, какъ вы знаете, частенько бываетъ. Ну, такъ вотъ онъ внесетъ полагаемый % своего заработка и будетъ себѣ числиться такимъ же равноправнымъ членомъ Союза, какъ и вы. Теперь, предположимъ, вамъ пришла благая мысль дать ему за какую-нибудь услугу на чай. Вы даете и вмѣсто благодарности, вдругъ, слышите: „Madame, прибавьте еще гривенникъ. Въдѣ на послѣднемъ-то Собраніи я васъ раздольжилъ: бѣленькій шарикъ вамъ подкатилъ. Ублагодарите! Въдѣ на слѣдующемъ Собраніи опять услугу“. Какъ это вамъ покажется?... Или вотъ еще: я, допустимъ, вынуженъ,—это тѣ грибокъ, какъ вамъ извѣстно, за мной водится,—пу и прикрикну иной разъ на лѣтнаго парикмахера, а онъ сейчасъ въ амбицію: „такъ и такъ, молъ, онъ меня оскорбляетъ“ и сейчасъ эго меня, раба Вожьяго, на самый этотъ судъ чести; глядишь, и я выключенъ изъ Союза, т. е. на вѣки опозоренъ, да еще оставленъ безъ куска хлѣба... Нѣтъ, ужъ тамъ какъ хотите, а въ основѣ всякаго подобнаго учрежденія непременно должна лежать полная солидарность какъ правственная, такъ и умственная. Даже необходима нѣкоторая общность интересовъ, а какая же такая общность въ интересахъ можетъ быть у васъ и, напр., у вашей кухарки?... Развѣ только на почвѣ кухонныхъ счетовъ: вы заботитесь о томъ, чтобы она поменьше украла, а она, наоборотъ, о томъ, чтобы побольше...

— Да вы, Петръ Ивановичъ, возражаетъ „ниженюстая“ блондинка,—все говорите о мелочахъ. Въдѣ и статистъ, и парикмахеръ—оба люди, оба человѣки, слѣдовательно, съ ними надо и обращаться по-человѣчески.

— Да такъ-то оно такъ, милая барышня, но это должно быть достигнуто иными путями. Въдѣ главная цѣль нашего Союза—это поднятіе нравственнаго уровня сценическихъ дѣятелей. А въдѣ съ плотникомъ-то у насъ самыя правственныя стремленія различны. Наконецъ, и отвѣтственность за тотъ или иной проступокъ у насъ неодинакова. Если меня выключать изъ Союза—я на вѣки опозоренный человѣкъ, а онъ ничего себѣ, и товарищъ отъ него за это не отвернется. Наконецъ, я на вѣки останусь тогда безъ куска хлѣба, ибо ничѣмъ инымъ заниматься не могу. А плотникъ—какой-нибудь Иванъ Ивановъ—ничего не потеряетъ или, по крайней мѣрѣ, очень мало, ибо онъ всегда найдетъ себѣ такую же работу и въ театра. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, тѣ же антрепренеры всегда возьмутъ его на работу, если онъ точно хорошій плотникъ, ибо какъ же тамъ упоминать всѣхъ Ивановъ—плотниковъ, парикмахеровъ, бутафоровъ, которыхъ исключать изъ Союза. Всякій такой Иванъ—только „звукъ пустой“, а актеръ—единица, и ужъ разъ будетъ постановленіе не входить напр., со мной ни въ какія „служебныя сдѣлки“—никто не возьметъ, такъ какъ почти каждый сценическій дѣятель знаетъ, что я такой-то...

„Благородный отецъ“, а мыслить логично, подумалъ я, отходя къ другой группѣ.

— А я, господа, такъ думаю, волнуется молодой актерикъ,—что если изъ нашего Союза ничего не выйдетъ, такъ это потому, что въ комиссіи сильна антрепренерская партія, которая гнетъ свою линію. Мы этого не должны допускать.

— А вы сколько сезоновъ оставались безъ ангажемента? ехидно спрашиваетъ другой.

Направляясь къ кружку антрепренеровъ, которые соблались въ „переговорной“.

— Третьяго дня было наша взяла, говорятъ Ф., одинъ изъ членовъ комиссіи, продолжалъ, повидимому, давно уже начатый разговоръ.—Всѣ было согласились на то, чтобы не

заключатъ никакихъ сдѣлокъ съ тѣми лицами, которые не состоятъ членами Союза. Да вчера актеры, видя, что мы очень упорно стоимъ за это постановленіе, заподозрѣли въ немъ какой-то подвохъ съ нашей стороны. Пришлось вновь поднять этотъ вопросъ и постановленіе было отменено.

Окончаніе разговора мнѣ не удалось услышать, ибо въ эту минуту подошелъ знакомый актеръ.

— Ну, какое впечатлѣніе вынесли вы изъ засѣданій комисіи?

Я высказался, въ общемъ, въ томъ духѣ, что меня поразила необыкновенная мягкость, сердечность и отзывчивость членовъ комисіи. Очевидно, эти качества присущи сценическимъ дѣятелямъ вообще.

— Отзывчивость? проницательски переспросилъ онъ. — А вотъ пожалуйста-ка сюда.

И онъ подвелъ меня къ стѣнѣ, на которой красовалось воззваніе больного артиста Л. О. Яковлева. Онъ, лишенный по болѣзни возможности продолжать сценическую дѣятельность, просилъ своихъ товарищей возвратитъ ему тѣ деньги, которыми онъ въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ одолжалъ многихъ изъ нихъ. Онъ приметъ эти свои деньги, какъ „милостыню, которую оказываютъ больному“.

— Теперь вамъ, вѣроятно, любопытно будетъ узнать, сколько же „дорогіе товарищи“ заплатили ему.

— Сколько?

— Да что-то около рубля.

Однако, уже безъ четверти часть. Пора поэтому и въ Новый театръ, гдѣ назначено Общее Собраніе.

Осипъ Ивановичъ Сенковскій
(бар. Брамбеусъ).

(Къ столѣтію со дня рожденія).

VI.

— Сколько ихъ и кто ихъ гонитъ? пошутилъ мой собесѣдникъ, указывая на тысячную толпу, наполнившую большую залъ Нового театра.

А „ихъ“, этихъ бритыхъ фizioномій, собралось, дѣйствительно, много. Не только весь партеръ, но и ложи I-го и II-го яруса были переполнены. Виднѣлось даже нѣсколько головъ съ высокой галлерей. Пустыми оставались только громадные боковые ложи.

Но минутами мнѣ казалось, что и въ нихъ какъ-будто кто-то есть. Временами думалось мнѣ, что великія тѣни далекаго прошлаго спустились на эти дни на землю, чтобы порадоваться за своихъ дѣтей, внуковъ и правнуковъ и благословить ихъ на новый — длинный и трудный — путь, устанный терніями и препятствиями. Можетъ быть незримыя тѣни Шепкина и Мочалова въ эти моменты радостно и любовно взирали на всю эту толпу. Можетъ также призракъ великаго Островскаго склонился въ эти минуты надъ Е. П. Карповымъ и навѣвалъ ему идеи новыхъ пьесъ, очень похожихъ на „Жрицу искусства“... Можетъ быть, наконецъ, самъ баронъ Брамбеусъ съ гордостью взираетъ на присяжнаго повѣреннаго А. Н. Кремлева и думалъ:

— Если бы мнѣ суждено было вновь вернуться на

землю, то я непременно зачислился бы къ нему помощникомъ присяжнаго повѣреннаго.

Можетъ быть, все—можетъ быть...

Собраніе открылъ небольшой рѣчью А. Е. Молчановъ. Въ нѣсколькихъ словахъ онъ изложилъ сущность того, что выработала комисія.

— Всѣ выработанныя положенія будущаго Союза, закончилъ председатель, будутъ въ окончательной редакціи отпечатаны и разосланы членамъ Театральнаго Общества для замѣчаній.

Затѣмъ онъ заявилъ, что II Съѣздъ сценическихъ дѣятелей состоится непременно будущимъ Великимъ постомъ и тогда будетъ окончательно выработанъ уставъ будущаго Союза.

Какъ только кончилъ говорить А. Е. Молчановъ, — товарищъ председателя, В. А. Марковский, приступилъ къ чтенію доклада о трудахъ комисіи, останавливаясь послѣ каждаго пункта, для выслушанія возраженій. Первые возраженія послѣдовали тотчасъ же послѣ того, какъ онъ дошелъ до перечисленія тѣхъ элементовъ, которые должны войти въ составъ будущаго Союза.

Кто-то (фамиліи, къ сожалѣнію, я не могъ узнать) возсталъ противъ того, чтобы въ члены союза допускались парикмахеры, плотники и вообще весь низшій театральнотехнический персоналъ, ибо это совершенно не соответствуетъ основнымъ принципамъ всякой корпораціи — единенію на почвѣ нравственныхъ, умственныхъ и матеріальныхъ интересовъ. Это единеніе возможно только при одинаковомъ уровнѣ умственнаго развитія и почти одинаковомъ общественномъ положеніи.

Отвѣчалъ на это возраженіе Т. Н. Селивановъ. Основная мысль его возраженія та, что съ парикмахерами и плотниками актеры обращаются возмутительно плохо. Участіе ихъ въ Союзѣ заставитъ къ нимъ относиться иначе.

Рядъ блестящихъ эффектовъ и многое множество громкихъ словъ сдѣлали то, что весьма слабая защита г. Селиванова восторжествовала и была встрѣчена шумными аплодисментами.

Началъ было что-то говорить г. Мерянский, но рѣчь его была встрѣчена дружнымъ шиканьемъ, поэтому разобратъ что-либо изъ того, что онъ сказалъ, было трудно.

Дальше возраженія вызвали роковой вопросъ о цензѣ. Г-жа Тираспольская спросила о томъ, считается ли трехлѣтнее пребываніе въ драматической школѣ за удовлетворяющій требованію цензы? Оказалось, что нѣтъ, ибо трехлѣтній срокъ считается со дня начала дѣйствительной службы.

Кто-то предложилъ увеличитъ цензу до пяти лѣтъ. Несмотря на возраженія Е. П. Карпова, это предложеніе было почти принято, если бы опять не поднялся г. Селивановъ, съумѣвшій тѣми же способами, какъ и въ первый разъ, склонить аудиторію къ старой редакціи. Основная мысль какъ Е. П. Карпова, такъ и Т. Н. Селиванова была та, что молодежь нуждается въ поддержкѣ на первыхъ же шагахъ. Однако, защитники положеній, выработанныхъ комисіей, почти тотчасъ же начали себѣ противорѣчить, ибо на возраженіе г. Тычинскаго, что тогда лучше совершенно уничтожитъ цензу, ибо и три года начинающему артисту трудно обойтись безъ поддержки, — они отвѣчали, что первые три года онъ будетъ числиться кандидатомъ въ члены Союза и при необходимыхъ членскихъ взносахъ будетъ пользоваться нужной поддержкой. Невольно является вопросъ: почему же онъ не можетъ быть кандидатомъ и въ теченіи пяти лѣтъ?..

Г. Никулинъ заявилъ, что нѣкоторые члены комисіи стоятъ за выработку иного ценза для вступленія въ Союзъ. „Особое мнѣніе“ его однако встрѣтило сильный протестъ.

Раздался чей-то голосъ насчетъ какого-то „бытія“, но такъ какъ никто ничего не понималъ, то оратору пришлось окончить свою рѣчь подъ общимъ смѣхъ.

Большое оживленіе вызвалъ вопросъ о судѣ чести. Г. Кремлевъ въ болѣе, чѣмъ длинной рѣчи ознакомилъ слушателей („дорогихъ товарищей“, какъ онъ ихъ называлъ) со своими знаніями по части судостроительства и судопроизводства вообще. Это онъ сдѣлалъ — по его словамъ — для того, чтобы разъяснить тѣ основанія, на которыхъ построена программа будущаго суда чести. При этомъ онъ, между прочимъ, сообщилъ, что онъ знаетъ судъ чести и товарищескій судъ только по теоріи, ибо на практикѣ подъ такой судъ не попадалъ. Последнее его сообщеніе, вѣроятно, показало „дорогимъ товарищамъ“ столь неожиданнымъ, что они встрѣтили это заявленіе аплодисментами.

Нижегородскій антрепренеръ г. Андреевъ-Корниковъ протестовалъ противъ учрежденія при Центральномъ Управленіи Союза постоянного Суда. Кажется, онъ же говорилъ объ этикѣ вообще и спрашивалъ о томъ, какъ поступить въ тѣхъ случаяхъ, когда обвиненный по суду

Союза будетъ оправданъ по обыкновенному гражданскому или уголовному суду? Въѣдъ тогда онъ имѣетъ право обвинить судей чести въ опороженіи. На это возражали, что во многихъ государствахъ постановленія корпоративныхъ судовъ обязательны и для обыкновенныхъ. Въ члены Союза, добавимъ отъ себя, будутъ приниматься тѣ, кто дастъ обязательство подчиняться всѣмъ постановленіямъ суда Союза.

Когда дѣло дошло до проблематическихъ желаній устроить при Союзѣ эмеритальныя, ссудныя и нынѣ кассы, то поднялся С. А. Свѣтловъ и просилъ къ проекту присоединить его особое мнѣніе, въ которомъ онъ высказываетъ въ общемъ ту мысль, что для этихъ учрежденій слѣдуетъ выработать нынѣ положенія, чѣмъ тѣ, которыми слѣдуетъ союзъ германскихъ сценическихъ дѣятелей. Этому требуютъ особенности дѣятельности русскаго актера. Нужно позаботиться о томъ, чтобы эти учрежденія могли оказывать помощь значительно раньше, чѣмъ въ германскомъ Союзѣ.

На этотъ разъ даже энергичный протестъ Т. Н. Селиванова не помогъ и особое мнѣніе г. Свѣтлова было присоединено къ докладу.

Остальные положенія не встрѣтили возраженій.

По окончаніи чтенія проекта будущаго Союза, председатель, А. Е. Молчановъ, объявилъ короткий перерывъ.

Въ маленькой курилкѣ непротокаешься... Крикъ и шумъ... Всѣ разговоры вращаются, главнымъ образомъ, около будущаго Союза. Такъ какъ преобладающій здѣсь элементъ составляютъ члены комиссіи, то понятно, что всѣ постановленія этой комиссіи комментируются съ полнымъ сочувствіемъ. Однако, изрѣдка встрѣчаются и недовольные. Вотъ, напр., милѣйшій С. еще вчера, на послѣднемъ засѣданіи комиссіи, говорилъ мнѣ:

— Ничего-съ изъ этого не выйдетъ, потому-что мы не выиспали себя, какъ слѣдуетъ, даже тѣхъ цѣлей, которыя долженъ преслѣдовать Союзъ. При тѣхъ положеніяхъ, которыя мы сейчасъ выработали, Союзу даже совершенно не нужно, такъ какъ у насъ есть Театральное Общество. При немъ можно устроить и судъ чести, и всякія кассы и нынѣ затѣи...

Однако, сейчасъ лицо его, подъ влияніемъ парадоксальныхъ плановъ, которые развиваетъ передъ нимъ одинъ изъ говорунъ комиссіи, — расплылось въ широкую широкую улыбку. Видно, душа стараго актера, измученнаго многолѣтними тревоженіями и мытарствами, всколыхнулась и невольно соображается прекрасными перспективами далекаго будущаго.

Впрочемъ, въ тѣ моменты, когда сосѣдъ ужъ особенно завирался, онъ пробовалъ протестовать:

— Мм... Какъ вамъ сказать... Но, собственно говоря...

Но дальше этихъ нечленораздѣльных звуковъ онъ не шелъ, такъ какъ сосѣдъ положительно забрасывалъ его цѣлымъ фонтаномъ красивыхъ словъ.

Пробовалъ онъ протестовать, такъ сказать — вѣтхимъ образомъ. Состроилъ серьезное лицо, даже какъ-будто со строгимъ выраженіемъ, а взглянулъ на его лоснящуюся, подъ яркимъ свѣтомъ электричества, лысину и виднѣшъ, что это онъ такъ себя, зря... Лицо сморщилось, а лысина разгладилась и точно улыбается... И сколько-бы сегодня онъ ни говорилъ, что онъ недоволенъ — я не повѣрю, ибо между его лысиной, физиономіей и даже выпяченнымъ впередъ брюшкомъ — полная несоответственность. По его фигурѣ, его походкѣ, особенному потряхиванію тѣмъ-же брюшкомъ, съ совершенною ясностью можно заключить, что для него сегодня большой праздникъ.

Въ сторонѣ, безызвѣстный провинціальный актеръ, горячо объяснялся въ любви передъ... А. Е. Молчановымъ.

— Мы васъ такъ любимъ, такъ любимъ, — тараторилъ онъ, — что вы себя и представить не можете... Въ-какъ любимъ, ей-Богу!.. Потому вы симпатичный человѣкъ, а для актеровъ симпатичность первое дѣло...

Ораторъ, повидимому, настроенъ лирически, что свидѣлствуется о его недавнемъ пребываніи въ буфетѣ. Однако, А. Е. Молчановъ кажется сконфуженнымъ и, вѣроятно, не знаетъ, какъ отвязаться отъ неожиданнаго поклонника.

Вообще, замѣчу мимоходомъ, А. Е. Молчановъ, дѣйствительно, за эти дни приобрѣлъ большую популярность среди актеровъ. И эту популярность, надо замѣтить, онъ приобрѣлъ совсѣмъ не подлаживаніемъ подъ вкусы толпы. Скорѣе наоборотъ, ибо онъ часто и до нѣкоторой степени въ рѣзкой формѣ оставался, начинавшіе-было разгораться, страсти этой толпы.

Но — зовонокъ! Публика приглашается на мѣста.

Началось чтеніе измѣненнаго проекта Устава Театральнаго Общества. Никакихъ прерій онъ не вызвалъ, и вообще публика зѣвала усиленно. Когда дѣло дошло до чтенія § 54, въ коемъ говорится о театрально-статистическомъ бюро Общества, то А. Е. Молчановъ заявилъ, что эти бюро, какъ учрежденія новыя, нуждаются въ нѣкоторыхъ улучшеніяхъ и усовершенствованіяхъ, поэтому онъ предлагаетъ гг. членамъ Общества изготовить по этому поводу доклады и прислать ихъ въ Театральное Общество. Мнѣнія докладчиковъ будутъ приняты во вниманіе и внесены для разсмотрѣнія на II Съѣздъ.

Какой-то высокій теноръ и тонкій дискантъ потребовали реорганизации Бюро сейчасъ-же, но председатель заявилъ, что это не входитъ въ программу Собраній.

Въ 4 часа чтеніе проектируемаго устава Общества было окончено и А. Е. Молчановъ объявилъ перерывъ до 7 час. При этомъ онъ заявилъ, что тогда будутъ прочитаны для подписи доклады засѣданій чрезвычайнаго Собранія вообще и также записаны тѣ вопросы, которые гг. члены желаютъ внести на разсмотрѣніе будущаго Съѣзда. Дебаты-же по этимъ вопросамъ разрѣшены не будутъ.

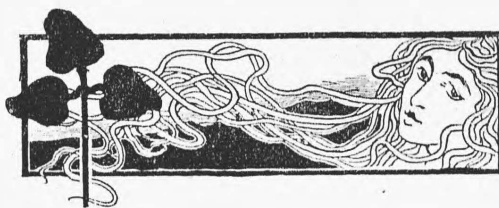
Такая скромная программа вечернихъ занятій привлекла очень мало народу. Къ семи часамъ собралось, вмѣсто тысячной толпы, человѣкъ 100—150 и Собраніе было закончено въ какихъ-нибудь полчаса. Председатель объявилъ Собраніе закрытымъ.

Провинціальный артистъ А. Д. Лавровъ-Орловскій въ горячихъ выраженіяхъ благодарилъ А. Е. Молчанова за его труды и выразилъ желаніе всѣхъ присутствовавшихъ сегодня здѣсь членовъ, чтобы А. Е. Молчановъ замѣстилъ, оставшуюся послѣ В. С. Кривенко свободной, вакансію председателя.

— Дай Богъ, отвѣчалъ г. Молчановъ, — чтобы я, господа, сумѣлъ вполне оправдать ваше довѣріе.

— Дай Богъ! прозвучало, какъ эхо, всеобщій отвѣтъ.

Вл. Вакулинъ.

ПЛАСУНЬЯ.

Повѣсть.

(Продолженіе *).

Вошелъ и другой лакей — съ другимъ подносомъ. На этомъ подносѣ стояла ваза съ фруктами и разбросаны были въ красивомъ безпорядкѣ конфеты.

Таня смутилась.

— Кому это? Мнѣ?

— Вамъ. Будемъ пить за ростъ вашего молодого таланта.

— За что вы меня угощаете?

— За то наслажденіе, которое вы намъ доставили

— Ну ужъ... Наслажденіе!

— Не скромничайте. Вы сами понимаете чары вашего блеска. Берите бокалъ.

— Я не пью.

— Нельзя не пить.

— Какая-жъ ты послѣ этого артистка, ежели отъ шампанскаго отказываешься? попенялъ Козыревъ: ты должна въ жизнь проникать, чувствовать.

На порогѣ показался Алексѣевъ.

— Ну вотъ и старикъ! воскликнулъ Козыревъ: подходи къ столу, бери бокалъ...

Алексѣевъ что-то промямлилъ и къ столу не пошелъ. Онъ весь съежился и посмотрѣлъ до того унылыми и безнадежными глазами на свою Таню, что Козыревъ даже воскликнулъ:

— Ай не ждалъ?

* См. № 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12 и 13.

— Такъ точно-съ, глухо отвѣтилъ онъ.

— Ха, ха, ха!.. Ну, вотъ любуйся... Поощряемъ... Бери бокалъ,—не просилъ, а уже приказывалъ Козыревъ.

— Я его не потребляю-съ, не привыкъ...

— Водки тебѣ?

— Нѣтъ, нѣтъ... Ничего-съ... Покорно благодарю-съ, поспѣшилъ онъ отвѣтить.

Въ глазахъ Алексѣева вмѣсто людей стояли туманные пятна, сердце совсѣмъ упало; онъ старался не смотрѣть ни на кого и потуплялъ глаза, не двигаясь съ мѣста. Въ ушахъ его, однако, раздавался баритонъ гусара и звенящій голосокъ Тани. Она начинала расходиться.

— Вы должны съ нами выпить, непременно должны, слышался сипловатый баритонъ гусара.

— Можно два глотка? смѣялась Таня.

— Весь, непременно весь! До дна!.. кричали всѣ разомъ.

— Ой, какое крѣпкое! отхлебнула нѣсколько глотковъ Таня и хотѣла поставить бокалъ на столикъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, нельзя... Весь надо выпить, закричали ей.

— Ур-р-ра-а-а! заоралъ гусаръ и поднялъ бокалъ выше своей головы, когда Таня осилила всю налитую въ ея бокалъ игристую влагу.

— Вотъ и молодецъ-дѣвочка, чудесно, одобрялъ ее Козыревъ:—къ жисти привыкать надо, а не дичиться.

— Скажите, что вы любите? Я хочу знать вашъ вкусъ? спрашивалъ ее гусаръ.

— Шлепните его по носу, да скажите, что вамъ это нравится, острилъ Мухрычевъ.

— Онъ адвокатъ,—вы его бойтесь, махнулъ на Мухрычева глазами Рязанцевъ:—всѣ адвокаты народъ ненадежный... И его бойтесь, указалъ онъ на Козырева:—живыхъ людей проглатываетъ. Довѣряйте одному мнѣ. Я—душа открытая...

— Хе, хе, хе, смѣялся Козыревъ.

— Хотите видѣть мою душу?

— Покажите, засмѣялась Таня.

— Извольте. Я буду приходить къ вамъ въ уборную и рассказывать все, что думаю и чувствую...

— Нѣтъ, вы сейчасъ покажите...

Мухрычевъ и Козыревъ захохотали.

— Что? Попался!..

— Извольте, сейчасъ. Приказывайте мнѣ, что сдѣлать. Ну, напримѣръ, вотъ этихъ двухъ молодцовъ облить шампанскимъ... Весь буфетъ куплю, а оболью...

— Лучше прикажите ему отстать. Онъ, кажется, надоѣлъ вамъ, сказалъ Мухрычевъ.

— Совсѣмъ нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! точно испугалась Таня,—я люблю веселыхъ...

— Вотъ вамъ! побѣдоносно взглянулъ на Козырева и на Мухрычева гусаръ и крѣпко поцѣловалъ у Тани руку.

Отъ этой неожиданности она смутилась.

— Большое вамъ спасибо, шаркалъ онъ передъ нею ногами и склонялъ голову,—вы имъ большой носъ наставили... Выше счастья—я пока не знаю. Merci.

— Кавалеръ! потрепалъ его по плечу Козыревъ,—настоящій хвасонъ, ха-ха-ха!.. Ну, пойдете. Ей еще отдохнуть надо, да передъ слѣдующимъ номеромъ платье обмѣнить.

— Только не сандалии! Ножки такъ и оставьте, воскликнулъ гусаръ.

Поклонники вышли изъ уборной, не обративъ никакого вниманія на ежившагося въ углу Алексѣева, какъ-будто его совсѣмъ не было въ комнатѣ, и стоялъ не человекъ, а ненужная мебель.

XIII.

Когда поклонники удалились изъ уборной, Таня, захлебываясь отъ восторга, бросилась къ Алексѣеву и повисла у него на груди.

— Папенька! милый! Какъ мнѣ хорошо! Какъ я счастлива! воскликнула она и запрыгала, забивъ въ ладоши, какъ ребенокъ.

Алексѣевъ хотѣлъ что-то сказать, но въ двери постучали и послышался голосъ Петропавлова — „можно войти?“

— Войдите, отвѣтила Таня и, вся сияющая, смотрѣла на показавшагося въ дверяхъ Петропавлова.

— Поторопитесь, Танечка, переодѣться, сказалъ онъ не обращая вниманія на Алексѣева:—„венгерскій костюмъ“ у васъ, здѣсь, принесли?

— Здѣсь, здѣсь, отвѣтила Таня, блистая своими глазами.

— Отлично, облачайтесь въ него. У насъ пропускается цѣлый номеръ: не доглядѣли за рассказчикомъ; стянулъ гдѣ-то штофъ водки и нализался. Костюмчикъ-то какой я придумалъ?.. Настоящее классическое оголѣніе! Такъ древней Греціей и пышетъ. Вонъ оно, махнулъ онъ глазами на фрукты,—понааташили ужъ? Погодите, не то будетъ!

— Зачѣмъ вы ее раздѣли? послышался унылый тонъ Алексѣева.

Не смотря на свою застѣнчивость, онъ не могъ сдержать скорбнаго чувства по поводу оголѣнія Танюши.

Петропавловъ расхохотался.

— Было что раздѣть, вотъ и раздѣли. Тебя, мой милый не раздѣнемъ, потому что ты въ костюмѣ благопріятнѣе для публики. А ее надо раздѣть.

— Вы смотрите, Танечка, и въ „венгерскій“ сандалий не снимайте.

— Эхъ, старина, шлепнулъ онъ по плечу Алексѣева,—отсталъ ты отъ искусства, ничего не понимаешь.

Петропавловъ выбѣжалъ изъ уборной. Алексѣеву не показалось страннымъ обращеніе его „на ты“: онъ привыкъ къ своему уничиженному положенію въ мірѣ, но не понравился Алексѣеву смѣхъ Петропавлова. Набросился на него и Таня.

— Что это вы, папенька? Къ чему? „Раздѣли!“ Да если нужно такъ? Въ балетахъ со шлейфами не танцуютъ.

— Перебалетили, Танюша...

— Да какое вамъ дѣло?

Алексѣевъ поднялъ на Таню испуганно-удивленные глаза.

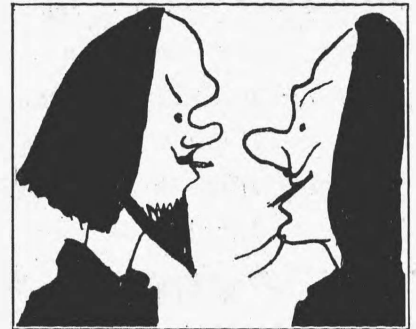
— Какъ, Танечка, „какое мнѣ дѣло“? Обидѣлся старикъ:—я растилъ тебя... Развѣ я не вижу какими глазами смотрятъ на тебя всѣ эти господа?

— Ахъ, оставьте! съ досадой воскликнула Таня и схватила себя за голову.

Слова Алексѣева отравляли ея шумный праздникъ.

— Идите, я переодѣваться стану.

Алексѣевъ вышелъ, а Таня, заперевъ за нимъ дверь, бросилась на стулъ, заломила руки за голову и задумалась минуты на двѣ.

Бесѣда поэтовъ.

Не такъ бы взглянула на это маменька,—вспомнила она свою покойную мать: она радовалась-бы ея успѣху. Таия никогда ни отъ маменьки, ни отъ другихъ актрисъ не слыхала, чтобъ вниманіе мужчинъ къ актрисѣ считалось предосудительнымъ. Но мимолетное облачко, быстро набѣжавшее на ея душу, унеслось, и горизонтъ опять прояснился и Таню вновь охватило ликование.

Разговоръ о поклонникахъ возобновился послѣ спектакля, когда она бѣжала съ Алексѣевымъ домой. Она очень горячо защищала „милаго“ гусара, который въ особенности не понравился Алексѣеву за „ловкую навязчивость“.

М. Любимовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Поэзія.

Не рюмъ пустыхъ и звонкихъ сочежанье —

Поэзія—волна чудесныхъ словъ,

Поэзія—то мысли трепетанье,

Порывъ души изъ тягостныхъ оковъ,

Поэзія—любовь и состраданье,

Поэзія—то міръ волшебныхъ сновъ.

М. Триневская.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

(Отъ нашихъ корреспондентовъ).

КІЕВЪ. Московское оперное товарищество, послѣ продолжительной борьбы съ равнодушіемъ кіевлянъ къ новымъ русскимъ операмъ, рѣшило измѣнить свой первоначальный планъ. Перевоспитывать музыкальные вкусы кіевской публики оказалось дѣломъ чрезвычайной трудности. Кіевляне вновь услышали музыку Верди, Гуно, Мейснера. Поставленнымъ товариществомъ оперы «Аида», «Фаустъ», «Гугеноты» собрали массу публики и дали полные сборы. Удачѣйшимъ спектаклемъ можно считать «Аиду». Хоры отлично сработаны, въ исполненіи замѣтна необходимая нюансировка, такъ демонстративно отсутствующая при постановкѣ другихъ оперъ. Оркестръ, хотя и проявлялъ намѣреніе заглушать пѣвца, но на этотъ разъ все же больше слѣдовалъ за нимъ.

Заглавную роль исполняла г-жа Астафьева, старая знакомая кіевлянъ. Въ свое время артистка пользовалась здѣсь большимъ успѣхомъ, и появленіе ея вновь на кіевской сценѣ было встрѣчено публикой весьма сочувственно. Голосъ артистки въ верхнемъ и второй части средняго регистра сохранилъ свою звонкость и красоту. Въ остальной части онъ лишенъ металла и потускнѣлъ. Но самымъ крупнымъ недостаткомъ столь опытной артистки является неумѣлое распоряженіе дыханіемъ. И это въ сильной степени отражается на ритмѣ и фразировкѣ. Г. Секаръ-Рожанскій — прекрасный Радамесъ. Артистъ совершенно оправился отъ болѣзни и впервые за все время выступилъ во всеоружіи своихъ голосовыхъ средствъ. Мы посоветовали ему, однако, воздержаться отъ непріятной манеры выбрасывать высокія ноты. Хотя этимъ приемомъ артистъ и добивается неестественнаго увеличенія въ объемѣ, но неразлучно съ этимъ появляется вибрація голоса. Пальму первенства въ этомъ удачному спектаклѣ слѣдуетъ отдать г. Оленину, въ роли Амонасро. Этотъ талантливый артистъ съ каждымъ выходомъ завоевываетъ все большій и большій симпатіи публики. Его равносторонній талантъ съ одинаковой художественностью проявляется въ воспроизведеніи типовъ: Бориса

Годунова, Кочубея, Григорія Грязнова, Амонасро. Единственный упрекъ, который можно послать артисту въ роли Амонасро, развѣ тотъ, что онъ слишкомъ культурный эгоистъ.

Интересъ «Фауста» сосредоточился, главнымъ образомъ, на исполненіи роли Мефистофеля г. Лосскимъ. Молодой артистъ справился съ ролью вполне удачно и внесъ въ нее много вкуса, экспрессіи и индивидуальнаго исполненія, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣтно подражаніе Шаллину. Голосъ г. Лосского пріятнаго тембра, выравненный во всѣхъ регистрахъ, густой съ баритональнымъ оттенкомъ. Къ числу несомнимыхъ достоинствъ пѣвца нужно отнести прекрасную фразировку и отбѣнную дикцію. Г-жа Кутузова-Зеленая, замѣнившая въ партіи Зибелы г-жу Ростовцеву, оказалась слабѣе послѣдней. Намъ передаютъ, что г. Оленинъ, вслѣдствіе возникшихъ съ дирекціей недоразумѣній, оставилъ труппу.

С. В - скій.

КАЗАНЬ. Великопостный оперный сезонъ открылся 28 февраля. Театръ довольно усердно поощается публикой; главенствуютъ оперы русскихъ композиторовъ. Изъ новинокъ показана была только одна опера «Царская неvěста» Римскаго-Корсакова.

Составъ оперной труппы, играющей теперь въ Казани, таковъ: сопрано — Э. Ф. Левандовская, Э. Я. Мелодистъ и А. М. Пасхалова, меццо-сопрано — А. М. Томская и Е. Г. Ковелькова, второе сопрано — А. И. Горина. Тенора — А. М. Давыдовъ, К. И. Михайловъ-Стоянъ, Ф. Ф. Эрнстъ и А. П. Вольскій (2-ой теноръ); баритоны — А. Н. Кругловъ и И. С. Петровъ; басы — В. А. Тассинъ, С. М. Акимовъ и А. И. Гавриловъ (2-ой басъ). Вторыя партіи — Ю. И. Дубинина и В. И. Ковалевскій. Режиссеръ Я. В. Гельротъ; капельмейстеръ И. О. Палишинъ, хозяйственный распорядитель С. М. Акимовъ. Балетъ г. Барбо — изъ трехъ только паръ. Оркестръ всего изъ 23 музыкантовъ, — хоръ также не великъ и слабъ.

Составъ труппы мало измѣнился противъ зимняго сезона 1899 г. Главное измѣненіе произошло только въ тенорахъ — вышли гг. Агнiewiczъ, Агулыницъ и Булатовъ, а также сопрано Полякова и контральто Гуревичъ-Петрова. Вновь же приглашены: тенора — Давыдовъ и Михайловъ-Стоянъ и сопрано Мелодистъ. Вновь приглашенные старые знакомцы Казани: Давыдовъ пѣлъ здѣсь въ сезонъ 1897—98 г., г. Михайловъ-Стоянъ пѣлъ еще во время антрепризы П. М. Медвѣдева, а Мелодистъ — пѣлъ здѣсь нѣсколько сезоновъ и въ опереткѣ и въ оперѣ.

Дѣла идутъ хорошо, не смотря на то, что публика Казани еще какъ-то не освоилась съ великопостными спектаклями. Правда, при переполненномъ сборѣ пропала только «Царская неvěста», при первой постановкѣ ея — 13 марта, но въ общемъ сборы прекрасные. Такъ «Циклопа дама» и «Евгеній Онѣгинъ» дали свыше 1000 руб. Наименьшій сборъ далъ только утренникъ 5 марта — съ небольшимъ 200 руб., но надо замѣтить, что спектакль шелъ по значительно уменьшеннымъ цѣнамъ — отъ 10 коп.

Наибольшій успѣхъ имѣютъ Э. Я. Мелодистъ и А. М. Давыдовъ. Но безъ успѣха поетъ и К. И. Михайловъ-Стоянъ. Симпатично, по прежнему, относится публика и къ гг. Пасхаловой, Томской, Круглову и Петрову.

Г-жа Мелодистъ сохранила свой прекрасный, сильный и выразительный голосъ, не смотря на то, что поетъ уже много лѣтъ. Кромѣ того, она недурная драматическая артистка. Наименѣе удалась ей роль Недды въ «Паяцахъ» — когда-то коронная ея партія.

Къ артистамъ и артисткамъ, пѣвшимъ у насъ въ началѣ зимняго сезона 1899 г., едва ли есть необходимость возвращаться. Г-жа Левандовская, по прежнему, мало живетъ на сценѣ, мало увлекается, а потому и мало увлекаетъ своимъ пѣніемъ и игрой. Г-жа Томская, по прежнему, цѣнится публикой за чудный голосъ и по прежнему ся манеры угловаты. А. М. Пасхалова — положительно идетъ впередъ, видимо много и осмысленно работает и, будемъ надѣяться, выработается въ законченную исполнительницу, особенно лирическихъ партій. Г-жа Ковелькова — также хорошая работница сцены и, какъ пѣвица, видимо, идетъ впередъ, но какъ драматическая артистка — все еще мало удовлетворительна. Наши баритоны, по прежнему, цѣнятся казанцами.

Въ Татьянѣ, въ «Евгеніи Онѣгинѣ», она также не заставила забыть г-жу Полякову. Кстати, кажется, г-жа Полякова приглашена къ намъ снова на сезонъ 1900—1901 г., чему нельзя не порадоваться, но зато, говорятъ, мы потеряемъ г. Петрова, если это правда, то это будетъ невоснаградимая потеря.

А. М. Давыдовъ обладает не особенно большимъ теноромъ, но зато поетъ задушевно, ласкающе, если можно такъ выразить.

К. И. Михайловъ-Стоянъ — артистъ заслуженный, кажется, болѣе четверти вѣка поющій на сценѣ; голосъ его уже утратилъ свѣжесть и силу молодости. Въ «Аскольдовой могилѣ» онъ исполняетъ нѣсколько русскихъ, проstonародныхъ (вставныхъ) пѣсенъ и поетъ ихъ чудно-хорошо.

На-дняхъ состоялось общее собраніе «Казанскаго Общества любителей изящныхъ искусствъ». Въ истекающемъ сезонѣ

общество нѣсколько оживилось. Оно дало цѣлый рядъ «литературно-музыкальных вечеровъ» и «концертовъ», при участіи артистовъ драматической труппы и учащихся въ мѣстных школахъ пѣнія. Разумѣется, Обществу слѣдовало-бы выдвигать свои собственныя силы, но спасибо и за это, ибо напр. предыдущій сезонъ 1898—1899 г., тянувшійся, вопреки уставу Общества, чуть не два года—(Правленіе Общества, избранное на одинъ годъ, самоуправно правило дѣлами Общества болѣе срока)—чуть было не похоронилъ Общество...

Лучшими «вечерами» Общества были 6 и 13 февраля и 5 марта (устроенный учительницей пѣнія К. И. Гриняски—почетнымъ членомъ Общества). На вечерѣ г-жи Гриняски лучшими исполнительницами явились ея ученицы г-жи Вѣрина, Шведенбергъ и Лерушъ.

На общемъ собраніи сказаннаго Общества былъ заслушанъ докладъ вновь избраннаго предсѣдателя—М. Л. Мандельштама (автора пьесы: «Кто правъ?») —объ открытіи въ Казани драматической школы при Обществѣ. Собраніе поручило своему Совѣту выработать уставъ школы и вообще, организовать это дѣло.

Поговариваютъ объ изданіи въ Казани еженедѣльнаго (собственно «сезоннаго», такъ какъ онъ будетъ выходить съ сентября по май) журнала, посвящаемаго театру и вообще искусству.

Въ заключеніе корреспонденціи нѣсколько словъ о духовныхъ концертахъ. Такихъ концертовъ было дано два: 12 и 19 марта. Первый—смѣшаннымъ хоромъ (составленнымъ изъ соединенныхъ хоровъ архіерейскаго и Покровской церкви), подъ управленіемъ регента архіерейскаго хора г. Власова, а второй—мужскимъ хоромъ (составленнымъ изъ хоровъ студентовъ казанскихъ духовныхъ академіи и семинаріи, при участіи любителей церковнаго пѣнія), подъ управленіемъ преподавателя семинаріи И. С. Морева.

Последній концертъ произвелъ просто чарующее впечатлѣніе—такъ художественно-прекрасно было исполненіе:

Н. О. Юшковъ.

СТАВРОПОЛЬ. Драматическая труппа подъ управленіемъ Лавровской-Долинской окончила сезонъ у насъ довольно удачно въ матеріальномъ отношеніи, не смотря на очень слабый составъ труппы. Въ теченіи сезона въ труппѣ происходили всевозможныя неурядицы, благодаря которымъ изъ состава труппы начали уходить постепенно лучшія силы, такъ что къ концу сезона осталось всего въ труппѣ человѣкъ 8. Антреприза г-жей Лавровской велась довольно безтолково. Къ концу сезона былъ приглашенъ опытный артистъ г. Селивановъ, подъ режиссерствомъ котораго была поставлена трилогія А. Толстого, «Дядя Ваня» Чехова и др. новинки довольно порядочно, и всѣ 4 спектакля прошли при полныхъ сборахъ. Хотя г-жа Лавровская въ мѣстномъ органѣ помѣстила отчетъ по театру, коимъ увѣряетъ, что истекшій сезонъ далъ ей, будто-бы, дефициту болѣе 2,000 руб. (валовой сборъ съ 1-го октября по 21-е февраля былъ болѣе 13,000 руб., расходу 15,200 руб.), но едва-ли эти цифры убѣдительны.

Зачастую антрепренеры и артисты упрекаютъ публику въ равнодушіи къ театру, а потому, по ихъ мнѣнію, драма въ провинціи приходитъ въ упадокъ. А по-моему мнѣнію, главная причина заключается въ томъ, что постановка дѣла изъ рукъ вонъ плоха.

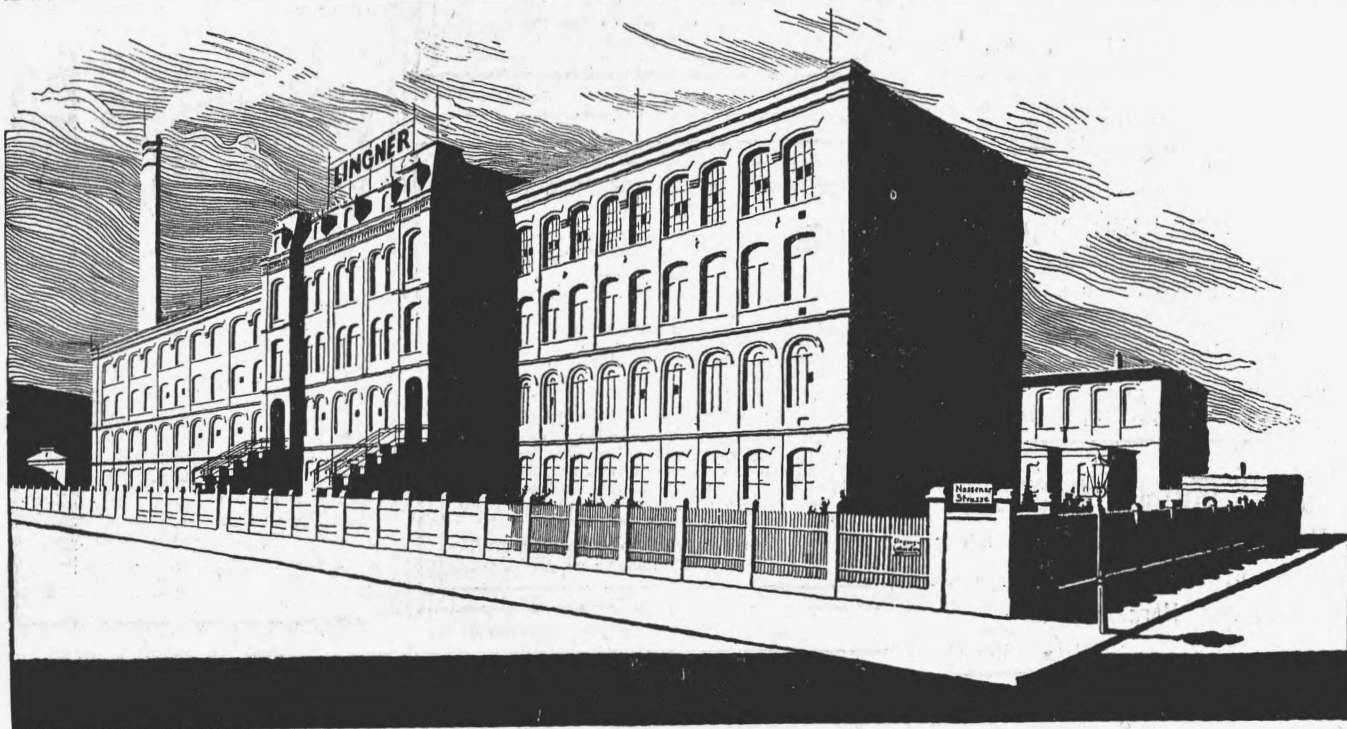
Въ настоящее время у насъ образовалось товарищество на паяхъ (изъ мѣстныхъ интеллигентовъ), которые уже собрали между собою около 4,000 руб., и на будущій зимній сезонъ товарищество само будетъ эксплуатировать театр. Одинъ изъ распорядителей товарищества выѣхалъ на-дняхъ въ Москву для составленія хорошей драматической труппы на будущій зимній сезонъ. Какъ видно, публика у насъ любитъ театръ и желаетъ имѣть хорошую драматическую труппу. Въ добрый часъ!

—вѣ.

Редакторъ Я. Р. Кугель.

Издательница З. В. Тимовеева (Холмская).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

передній видъ фабричнаго зданія Дрезденской Химической Лабораторіи Лингнера
въ которомъ **ОДОЛЬ** полоскательная вода для рта. Крупнѣйшая фабрика подобнаго рода въ мірѣ.
Занимаетъ пространство въ 6500 квадратныхъ метровъ.

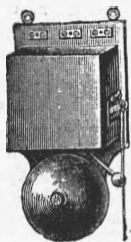
Колоссальное, прямо таки небывалое развитіе Одолевой фабрики; прилагаемое здѣсь изображеніе которой снято съ натуры, является безусловнымъ доказательствомъ, что:

1. въ настоящее время, и практика и наука признали полосканіе наилучшимъ средствомъ для чистоты зубовъ и полости рта, а потому предпочитаютъ ихъ всяческимъ порошкамъ, пастамъ и кремамъ; и
2. что „Одоль“, въ которомъ лучшія качества соединяются съ крайне приятнымъ, освежающимъ вкусомъ повсюду занялъ первое мѣсто въ ряду всѣхъ извѣстныхъ полосканій.

МАГАЗИНЪ ЭЛЕКТРИЧЕСКИХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ И. А. КАЧКОВСКАГО.

Б. Итальянская ул., д. № 27 — 2, против Михайлов-
скаго манежа.

Устраиваетъ электрическое освѣщеніе въ театрахъ, соборахъ, увеселитель-
ныхъ садахъ, магазинахъ, домахъ и пр., а также проводитъ телефоны, элек-
трическіе звонки, пожарныя и кассовыя сигнализациі самымъ упрощеннымъ
способомъ.

Постоянный складъ всѣхъ электрическихъ принадлежностей, арматуръ, электри-
ческихъ вентиляторовъ и нагревательныхъ приборовъ.

№ 1282

К. Шапиро.

Фотографъ Ихъ Императорскихъ Высо-
чествъ В. К. Владиміра Александровича,
В. К. Маріи Павловны и фотографъ Им-
ператорской Академіи Художествъ, сні-
маетъ ежедневно по слѣдующимъ умень-
шеннымъ цѣнамъ:

12 кабинет., прежде 10 руб., теперь
6 руб., эмалиров. 8 руб.

12 америк., прежде 20 и 15 руб., те-
перь 10 руб., эмалиров. 12 руб.

12 будуарныхъ, прежде 30 и 25 р., те-
перь 15 р.

**Съ особенною любовью сні-
маю дѣтей.**

Также убавлены цѣны съ большихъ пор-
третовъ и группъ. **Единств. Фотогр.
Бол. Морская, 12, уг. Невскаго.**

№ 1266 (50—12)

ОТЪ ДИРЕКЦІИ Саратовскаго народнаго театра.

Амплуа комика - резонера вакантно.

Служба годовая. Окладъ 1,200 р.

Обращаться въ дирекцію.

№ 2289 (1—1).

И. Триневская.

СГОНЪКИ

Разказы, стихотворенія, пьесы („Тру-
довой день“, „Урокъ танцевъ“, „Первая
греза“, „Пьеса для развѣзда“, „Цисьмо“).

Цѣна 1 руб.

Выписывающіе изъ конторы «Театръ и
Искусство» за пересылку не платятъ.

Театральный словарь

Е. И. Аркадѣевъ. 1900 г. Ц. 50 к

Продается въ кв. м. „Новаго Времени“.

Москва, Неглинный пр.

№ 1283 (2—2).

ОПЫТНАЯ ТЕАТРАЛЬНАЯ КАССИРША

желаетъ получить мѣсто на лѣт-
ній сезонъ въ Петербургѣ или
его окрестностяхъ. Николаевская,
д. № 73, кв. 11. С. М. С.

Большая Энциклопедія Словарь

общедоступныхъ свѣдѣній по всѣмъ отра-
слямъ знанія.

200 выпусковъ по 50 коп. или
20 томовъ въ роскошн. полукож. перепл. по 6 р.

Пробный (двойной) выпускъ высылается за
1 рубль. Подробный иллюстрированный про-
спектъ бесплатно.

Книгоиздат. Т-во „Просвѣщеніе“.
Спб., Невскій пр. 50.

№ 2286 (1—1)

Серія иллюстриров. популярно-научн. сочиненій
по естествознанію

Вся природа:

въ изящныхъ полукожаныхъ переплеткахъ: Р. К.
„Исторія земли“ проф. Неймайра, 15 —
2 т.
„Происхожденіе животнаго міра“
проф. Гаакке, 1 т. 7 —
„Жизнь растений“ проф. Кернера, 2 т. 15 —
„Человѣкъ“ проф. Ранке, 2 т. 14 20
„Мировоззрѣніе“ д-ра Мейера, 1 т. 8 60

Всего 8 томовъ ц. 59 р. 80 к.

При подпискѣ на все изданіе съ разсрочкой
платежа отъ трехъ рублей въ мѣс., выдаются
немедленно для тома и черезъ каждыя 4 мѣс.
новые два тома. Пробный выпускъ высылается
за 6 семикопеечныхъ марокъ. Подробный иллю-
стрированный проспектъ бесплатно.

Книгоиздат. Т-во „Просвѣщеніе“.
Спб., Невскій пр. 50.

№ 2287 (1—1)

Косметическіе спермацетовые личные утиральники

Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

При употребленіи спермацетовыхъ утиральниковъ, кожа лица дѣлается
чистой, нѣжной и приятно освѣжается. Удобное средство въ дорогѣ, гдѣ
лицо особенно подвержено вліянію солнца, пыли и вѣтра.
Особенную важность имѣютъ они для гг. артистовъ и для лицъ, упо-
требляющихъ гримировку, бѣлугу, румяна и проч.
Цѣна 60 коп. за пачку, съ пересылкою не менѣе 2 пачекъ 2 руб.
Для предупрежденія отъ поддѣлокъ прошу обратитъ вниманіе на под-
писи: А. Энглуна красными чернилами и марку С.-Петербургской кос-
метической лабораторіи. Получать можно вѣст. Главн. складъ для
всей Россіи А. Энглуна, С.-Петербурга, Михайловская площ., № 2. (г.)

„ПОЗНАТЬ САМОГО СЕБЯ“.

Извѣстный психо-графологъ И. Ѳ. Моргенстёрнъ,
прибыль въ С.-Петербургъ и остановился по
Малой Итальянской ул., въ д. № 3, кв. 15.

ДѢЛАЕТЪ АНАЛИЗЫ ПО ПОЧЕРКУ.

Принимаетъ желающихъ распознать себя, свое
призваніе, свои силы и опредѣляетъ темпера-
ментъ, мировоззрѣніе, способности, наклонности и
вообще весь нравственный строй человѣка. Же-
лающіе могутъ посылать почерки по почтѣ съ
приложеніемъ шаты. Отвѣты даются черезъ три
дня. Пріемъ отъ часу дня до 6 часовъ вечера.
Приглашенія же на домъ принимаются только
вечеромъ по соглашенію. № 2288 (1—1).

